

Василий Лягоскин

СЕРАЯ МЫШКА

ПЕРВЫЙ ТОМ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ПОДПОЛКОВНИКА НАТАЛЬИ КРУПИНОЙ

Василий Лягоскин

**Серая Мышка. Первый
том о приключениях
подполковника Натальи Крупиной**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Серая Мышка. Первый том о приключениях подполковника
Натальи Крупиной / В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852042-6

Рухнула страна, ушла в небытие ее тайная служба. Подполковник КГБ Наталья Крупина, агент три нуля один, решила, что ее служба закончилась. Что новой России она не нужна. Но судьба таких, как Наталья, Серая Мышка, предопределена. Они рождаются, чтобы служить Родине; чтобы противостоять врагу — в каком бы обличье он не предстал. Военно-морской флот Японии и таинственный клан якудза; тайный клуб американских миллиардеров и колумбийские наркобароны... Трепещите — Серая Мышка на тропе войны!

ISBN 978-5-44-852042-6

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Август 1998 года. Электropоезд «Владимир – Мстера»	6
Глава 2. Шестидесятые годы двадцатого века. Рязанский областной специализированный детский дом	20
Глава 3. Август 1998 года. Подмосkовье	28
Глава 4. Август 1998 года. Нахабино. Подземный бункер	34
Глава 5. Август 1998 года. Kовров. Проходные завода имени Дегтярева	37
Глава 6. Август 1998 года. Kовров – Москва	47
Глава 7. Август 1998 года. Kовров – Москва	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Серая Мышка
Первый том о приключениях
подполковника Натальи Крупиной

Василий Иванович Лягоскин

© Василий Иванович Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4485-2042-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Август 1998 года. Электропоезд «Владимир – Мстера» Мария Павлюченко, она же Наталья Крупина

Электричка привычно запаздывала, однако редкая толпа, растекшаяся по второй платформе станции Ковров-1, волновалась и глухо гудела совсем не по этой причине. Мария осторожно опустила тяжелую сумку на асфальт. Она автоматически фиксировала – совсем того не желая – как перекатываются, словно волны, от одного края платформы к другому одни и те же слова. А точнее – имена и фамилии:

– Ельцин, Черномырдин, Кириенко...

Эти фамилии сегодня награждались двух- и трехэтажными эпитетами особенно зло. Злиться народу было от чего. Застывшая в оцепенении, в ожидании еще более крупных неприятностей, провинция льнула к телевизорам. А потом шумно обсуждала новости и московские разборки, со вкусом вставляя в бесконечные споры новое слово «дефолт».

Наконец этот самый дефолт упал на головы простого люда двойным и тройным повышением цен. Так что в августе одна тысяча девятьсот девяносто восьмого года дорогим россиянам в очередной раз предложили потуже затянуть пояса.

Мария Павлюченко стояла внешне абсолютно невозмутимо. Но сейчас и она едва сдерживалась, чтобы тоже не выматериться громко, на весь перрон. Еще утром в ее кошельке было пятьсот рублей. Деньги по нынешним временам небольшие, но для Марии имевшие гораздо большую ценность, чем абстрактные миллионы и миллиарды, которыми россиян тоже развлекали с экранов телевизоров. Потому что этими рублями (пятьюстами, конечно, а не миллионами) был оплачен ее месячный труд. Попросту говоря – это была ее зарплата за июль, и сегодня она всю ее извела. Извела на продукты, так и не набив полностью одну большую сумку.

Город Павлюченко не любила. Точнее – опасалась поездок в Ковров. Чем многочисленней была толпа, окружавшая ее, тем большей была вероятность наткнуться на кого-нибудь из прошлого. Из той жизни, где она не была ни обычной женщиной средних лет, внешне замученной каждодневной работой, ни даже Марией Павлюченко. Поэтому в Ковров она ездила максимум два раза в месяц – в дни аванса и получки. О поездках дальше, во Владимир, а тем более в Москву, даже не помышляла.

– А зачем? – решила она уже давно раз и навсегда, – в Коврове магазинов тоже хватает. И товар здесь не намного беднее, чем в столице. А уж цены – как раз по моему кошельку.

В прошлую – июльскую – поездку сумка была гораздо тяжелее. Но и тогда Мария несла ее внешне очень легко. Подними ее тогда кто посторонний, он немало удивился бы силе этой такой хрупкой на вид женщины. Мария словно оглядела себя со стороны – да, она ничем не отличается от стоящих рядом теток и явно не страдает от избытка силы.

Совсем рядом с Марией опустила свои баулы женщина роста и объема громадного, обладавшая, как оказалось, высоким визгливым голосом. Она словно продолжала разговор с кем-то, хотя подошла на перрон одна.

– А рису-то, рису – совсем нет, – почти прокричала она плаксивым голосом перед собой.

На этот голос и вынырнул из толпы крепенький мужичок, рядом с теткой показавшийся ребенком. Он опустил увесистый рюкзак на асфальт рядом с теткими баулами и облегченно вздохнул.

– Ничего, – неожиданно густым басом прогудел он, – появится твой рис. Вот нарисуют новую цену – раза в три больше, и сразу появится.

Необъятная в талии женщина только вздохнула, заставив затрястись свои килограммы.

– Ну-ка, мамаша, дай на хрен пройти.

Эта привычная в здешних местах фраза в другое время заставила бы Марию улыбнуться. А потом задать – хотя бы себе, чтобы лишний раз не нарываться – вопрос:

– Куда-куда пройти?

Вместо этого Павлюченко на мгновение замерла, а затем неторопливо, совершенно естественно повернулась к обладателю громкого голоса. В те годы, о которых Мария запретила себе даже думать, ее учили читать голоса. Даже не сами слова, а интонацию, малейшие нюансы – ту информацию, что люди прячут между слов, сами того не замечая. Информацию, которая подчас говорила о человеке больше, чем слова, которые он произносил. Мария была таким знающим человеком. Можно было запрятать и от себя, и от других прошлое. Но то, что въелось в плоть и кровь, не вытравишь – оно вылезет само, когда понадобится.

Она оглядела – спокойно, и как бы не заинтересованно – парня, который как раз отодвигал одной рукой тетку, хотя пройти мимо можно было и с одной, и с другой стороны платформы.

– Крутой, – определила она поначалу, но тут же поправилась, – нет – только ощущает себя крутым. Причем это ощущение пришло совсем недавно. Еще кружит голову. Что – деньги? Оружие? Скорее оружие.

Она остановилась на последнем варианте, и внутренний компьютер внутри, который анализировал окружающее пространство независимо от сознания – на уровне инстинктов – тут же согласился. Парень старался сдерживать рвущееся наружу ощущение собственной значимости, силы и вседозволенности. В то же время ему явно было не по себе; так чувствует себя ребенок, залезший без спроса в вещи отца. Парень словно бессознательно твердил себе:

– Отберут игрушку, да еще надают ремнем по заднице...

Тетка, а за ней мужичок поспешно подхватили свои баулы и отступили к самому краю платформы. Они даже не попытались огрызнуться, потому что за этим наглым мордатым качком остановились еще двое. Не такие крупные, но не менее нахальные. И тоже – подчеркнула для себя Мария – словно хмельные от открывшихся перед ними возможностей.

Павлюченко уже отметила, как старательно прижимают все трое под куртками что-то короткое, небольшое, но очень значимое для них. Им определенно казалось, что делают они это ловко и незаметно для других.

– Оружие, – теперь уже без всякого сомнения повторила она и... осталась на месте, замешкалась.

Не отступила вопреки вбиваемой в себя все последние годы привычки держаться подальше от таких личностей. Хотя нога парня в тяжелом импортном башмаке уже замахнулась, чтобы снести с дороги ее сумку. Мария чуть заметно усмехнулась – в той сумке, куда нацелилась чужая нога, было килограммов двадцать пять. Поэтому от пинка она даже не шелохнулась. Однако внутри что-то жалобно звякнуло.

– Мед, – охнула Мария и сунулась к сумке, склонившись низко и удобно – для широкой ладони, которая тут же приготовилась хлопнуть с размаху по натянувшейся материи дешевых брюк.

– Леха! – предупреждая бросил один из его спутников.

Этот парень шагнул вперед, останавливая первого, хватая за локоть рукой – той, что не прижимала сейчас к другому боку оружие. Пока неведомое для Марии оружие. Это был не пистолет – его незачем прижимать к боку; не укороченный АКМ. Их в городе с началом чеченской кампании появилось много – чуть ли не у каждого милиционера. Но эта компактная и смертельно опасная игрушка не могла так удобно прижиматься к телам, практически скрываясь под куртками – какими бы широкими они не были. Чтобы так спрятать АКМ под мышкой, нужен немалый опыт, а его у молодых, но ранних явно не было.

Поэтому она, уже разгибаясь с тяжелой сумкой в руке, взмахнула другой – внешне неуклюже. По крайней мере так восприняли ее движение дружки Лехи. Сам Леха стоял вплотную к Павлюченко и ее движения даже не заметил. Пальцы, такие обыкновенные на взгляд, но на самом деле тренированные и чувствительные, быстро пробежались по грубому коричневому кожезаменителю Лехиной турецкой куртки.

В следующее мгновение она уже отступила, нарочито согнувшись под тяжестью куртки. Отступила с испуганной и недоумевающей улыбкой на губах. Причем если испуг был наигранным, то недоумение поселилось не только на лице, но и внутри. Потому что опытная рука, скользнувшая по твердому металлу, нагретому под курткой – так, что накачанная Лехина плоть не ощутила ничего – определила почти невозможное. Невозможное для этого такого обычного перрона с толпой, поджидающей самую обыкновенную электричку. Под курткой прятался не менее надежный и опасный, чем Калашников, но мало кому известный агрегат.

– Впрочем, разве может быть сейчас что-то невозможным? – задала она себе вопрос, – вот и мальчики раздобыли себе вместо игрушек пистолеты-пулеметы «Бизон».

Она машинально провозжала взглядом бритые затылки парней, а мозг сам вспоминал и разворачивал перед глазами таблицу – технико-тактические данные оружия, которым до сих пор оснащались лишь спецподразделения. Леха еще раз обернулся, нахально ощерился, и зашагал дальше, подталкиваемый крепкой рукой подельника. Тому было лет двадцать-двадцать два, но в этой маленькой группе он, очевидно, пользовался непрерываемым авторитетом.

Тихо свистнула электричка, предупреждая о своем прибытии, и только после этого диктор запоздало объявила на весь вокзал – на удивление чисто и четко:

– Электропоезд «Владимир – Мстера» прибывает ко второй платформе, – затем, практически без паузы, – по первому пути проходит грузовой поезд. Будьте осторожны!

Последнее объявление тоже несколько запоздало. Рев грузового состава нарастал и обрушился на платформу, когда электричка еще не остановилась. Ее двери, естественно, не открылись, пока хвост тяжелого состава не прогрохотал по стыкам рельсов.

Мария не сдвинулась с места, хотя до дверей пятого вагона было не больше трех метров. Рядом стояла все та же тетка необъятных габаритов и мужичок, опять приклеивший на лицо невозмутимое выражение. Большая часть пассажиров столпилась впереди – там, где из первых двух вагонов им было удобнее сходить на конечной станции. Самой Павлюченко нужно было проехать всего три остановки; там, напротив вывески «Гостюхино», как раз обычно и останавливался пятый вагон. Рядом с этой железнодорожной станцией вольготно расположились несколько жилых домов и контора Осиповского лесничества. Один из трех потемневших от времени бревенчатых домов и был пристанищем Марии в последние семь лет.

Она продолжала размышлять о том, какими неведомыми путями могло попасть некогда секретное оружие, разработанное для войск специального назначения, в руки накачанных недорослей. Наталья машинально подняла голову к окну вагона и едва смогла удержать на лице выражение равнодушия и легкого нетерпения. Глядевшего на нее сквозь пыльное окно человека она видела впервые в жизни. Но его взгляд, царапнувший почти физически, заставил тревогу, что уже поселилась внутри, заполнить тело и душу без остатка.

– Зверь, – обозвала она сразу же незнакомца.

Мария имела в виду сейчас не злобность этого нечем не примечательного на первый взгляд человека, а звериную сущность, неестественную способность предчувствовать неприятности, и еще более удивительный талант такие неприятности избегать. Павлюченко сама была такой, но в ней зверя было распознать намного труднее. А в ее нынешнем обличье – практически невозможно.

Она равнодушно отвела взгляд от окна и шагнула к открывшейся двери. Даже повернулась, так же невозмутимо проводив хвост грузового состава. И все это время она ощущала на себе этот липкий взгляд, пытающийся распознать потенциального врага.

Пятый вагон был зримо разделен на две части. В большей – в передней части вагона – не очень громко кипела жизнь. Оттуда до остановившейся в дверях Марии доносились все те же слова и фамилии, что уже надоели ей на перроне. Именно туда устремилась необъятная тетка со своими баулами, и ее хвостик – невозмутимый мужичок с рюкзаком. Она заполнила своей тушей проход так, что узлы ей пришлось нести впереди и позади себя. Мимо четверки, заполнившей вторую от заднего конца вагона пару сидений, тетка промчалась не останавливаясь. Поняла, наверное, что такие соседи могут быть очень неприятными. Мужичок послушно двинулся за ней.

Мария тоже сделала несколько шагов по проходу; вдруг остановилась – как раз рядом с этой четверкой – и заняла скамью через проход от нее. Еще вчера; даже сегодня утром, она бы пробежала мимо, не останавливаясь. Более того, Мария даже не села бы в электричку, где уже находились три человека с оружием. В конце концов, следующий электропоезд прибывал меньше, чем через час. Уж в нем-то, наверное, никакого оружия не оказалось бы.

– А может, и не три, – почти весело и с непонятным для себя облегчением подумала она, с невинным взглядом рассматривая соседей.

Несколько секунд ей хватило, чтобы зафиксировать всех четверых в памяти, оценить степень опасности каждого и выделить главного. Им был, несомненно, тот, в ком Павлюченко разглядела звериное начало. Двое других напоминали Леху с друзьями. Больше всего – тем же чувством превосходства над остальными людишками. Только рядом был старший – битый волк – и этим парням приходилось сдерживаться. Однако получалось это у них не всегда. По крайней мере, на Марию они посмотрели как на какое-то недоразумение, осмелившееся опустить свой зад на сиденье рядом с ними. Они явно были не прочь шугануть эту тетку – Марию – подальше отсюда, но решения здесь принимал главный.

И опять – в который раз за сегодняшний день – Павлюченко поправила себя: главным был не он. Самым опытным – да; самым опасным – несомненно, но не главным. Главную роль – по соображению Марии – играл портфель. Самый обычный импортный кожаный портфель; с подобным обычно выходил к своим зрителям Михаил Жванецкий. Только этот был гораздо внушительней размерами. Портфель прижимал к своему необъятному животу четвертый член команды. В этом человеке все было круглым – и щеки, и туловище, и руки, на одной из которых блеснула цепочка. Мария поняла, что толстячок был живым якорем и тележкой для портфеля. А чтобы оба они не потерялись, их наверняка сковали наручниками. Лицо толстячка, в отличие от трех других, не было ни хищным, ни злобным. Оно сейчас было полусонным и вполне добродушным.

В компании остальных оно смотрелось столь чужеродно, что даже не такой опытный человек, как Павлюченко, понял бы, как распределялись в этой команде роли. Двое качков – охранники, силовая поддержка; а в случае необходимости и живой щит. Для толстячка и, главное, для портфеля. Командир – самый опытный и битый настолько, что у Марии естественное любопытство едва не перебила такая же естественная опаска – это что же такое везли в чемоданчике, если его охраняет такой волчара? И тут же любопытство пересилило. Теперь Мария поразилась другому:

– Это что за времена такие настали, что курьеры такого уровня в электричках передвигаются? Их что, тоже дефолт достал?

Она еще раз скользнула равнодушным взглядом по портфелю, по его ручке, и все-таки заметила, что цепочка действительно крепилась наручниками – и к важному грузу, и к его живому «якорю». Толстяк постарался спрятать их внутри длинного рукава пиджака, но электропоезд как раз тронулся, дернувшись – и вслед ему дернулся этот кругленький мужичок, на миг забывший о наручниках.

– В общем, – заключила Павлюченко, – четверка смотрится в обшарпанном вагоне электрички странно. Ей самое место в роскошном салоне «Мерседеса»; на крайний случай –

в смежных номерах вагона СВ. И трое бойцов – толстяк не в счет, он опять прикрыл глаза – знают это, а точнее чувствуют. Чувствуют себя униженными, и потому глядят на остальных пассажиров яростно. Особенно, конечно, на Павлюченко.

Мария, наконец, закончила свой бесцеремонный осмотр и делано зевнула – одновременно с толстяком. Она улыбнулась этому обстоятельству и отвернулась к окну. Четверка вдруг встрепенулась; все тоже дернулись взглядами к окошку. Кроме старшего – тот повернул голову к пыльному окну плавно, однако первым, почти одновременно с Марией, оглядел привокзальную площадь. Там творилось что-то непонятное, явно выходящее за рамки привычного. Неторопливая, вальяжная и сытая железнодорожная милиция вдруг засуетилась; даже забегала.

Однако ни к грабителям с автоматами, ни к электричке вообще эта суета отношения не имела. Последняя протяжно загудела и двинулась в сторону Нижнего, оставляя позади зеленое здание вокзала. Совершенно спокойный голос прохрипел в динамиках: «Следующая остановка Ковров-два», – и Павлюченко отвернулась от своего окна. Она отстраненно подумала, что в первый раз назвала Леху с подельниками грабителями. Отстраненно потому, что снова – теперь уже с этого угла зрения – прокручивала короткую встречу с тройкой качков. Да – их злое нетерпение было вызвано одним – парни шли на дело. Шли опробовать свои «игрушки», которые явно достались им случайно.

– Ну дожи-и-ли.., – мысленно протянула Павлюченко, – кого же они грабить тут собрались? Меня?.. Или их?.

Она не посмотрела в сторону соседей, но почувствовала, как напрягся там старший, и еще раз удивилась его звериной интуиции.

– Нет, – успокоила в мыслях себя Мария, – то, что в одной электричке оказались две бандгруппы – это дикая, невероятная случайность... Ага, в которую ты тоже вляпалась. Теперь эти случайности попрут.

Последнее было уже не предположением, а утверждением, потому что дальние двери вагона разъехались в стороны, и вагон первым вошел Леха. И он, и его дружки были по-прежнему в наглухо застегнутых куртках. В теплом, сейчас даже жарком вагоне это смотрелось, по меньшей мере, странным, но парням было не до того. Они вроде бы не крутили головами по сторонам, не зыркали взглядами по лицам пассажиров, но однозначно оценивали сейчас обстановку. А точнее – искали, с кого вагона начать. Искали настоящую добычу.

И если они не оценят правильно опасность, исходящую от старшего четверки, скорее всего этот вагон они и будут грабить. Хотя бы потому, что здесь сидела Мария. Это Павлюченко поняла по оживившемуся лицу Лехи, который буквально устремился к ней. Бойцы – соседи Марии – на закаменевшее, ставшее на миг страшным, лицо своего начальника отреагировали одновременно и одинаково – дернулись руками к предплечью. К оружию – это было понятно; но тут же расслабились, вслед за старшим. Потому что тот – как и Мария – оценил не только выпуклости под куртками троицы, но и их твердое намерение пока миновать этот вагон.

Леха действительно пробежал мимо, попытавшись обжечь Марию взглядом. И она действительно сжалась в мнимом испуге – пусть потом, когда две эти команды схлестнутся, ее никто не будет воспринимать хоть как-то серьезно. А во взгляде – почти таком же, как на перроне, Павлюченко сейчас прочла густо примешанное к презрению чувство предстоящей расправы.

С каждым тяжелым шагом бандитов к Марии возвращалось старое – та жизнь, в которой она была Натальей Крупиной, подполковником КГБ; сотрудником отдела, у которого не было названия. Отдела, который, несмотря на свою реальность, не оставил в сером здании на Лубянке ни одного следа, ни одной бумажки. Так, по крайней мере, утверждал непосредственный и единственный начальник, которого она знала в лицо, и которому она верила безгранично. Однако начальник и сам мог не знать всего. Поэтому в один не самый прекрасный день Наталья Крупина исчезла. А на свет появилась Мария Павлюченко. И сегодня – в этом

вагоне – она могла оставить не один след, который могут сравнить с тем, что осталось в Москве. Если Леха с парнями вернутся. Еще не поздно было попытаться перебежать в другой вагон – это было бы так естественно. А там она бы, если потребовалось, отдала бы и жалкую двадцатку, что осталась в кошельке, и сумку с разбитой банкой меда и... Она даже улыбнулась, представив себе, как Леха идет по проходу, держа в одной руке «Бизон», а в другой – тяжеленную сумку.

Наконец, можно было стерпеть и шлепок по заднице, или что похуже – только чтобы потом проходить по делу в качестве второстепенной свидетельницы. А в том, что дело будет, она не сомневалась. Так и поступила бы Мария Павлюченко. Но теперь на жесткой деревянной скамье съежилась, якобы отходя от убийственного Лехинога взгляда, подполковник Крупина – именно она сейчас сделала выбор. Выбор, который перечеркивал спокойную жизнь последних лет.

– Слышь, Волчара, – чуть слышно обратился к командиру один из бойцов; обратился неслышно для передней части вагона, но не для Павлюченко, теперь Крупиной, – а ребятки – серьезные...

– Ребятки – фуфло, – отрезал так же тихо Волчара, бросив очередной подозрительный взгляд на притихшую Крупину, – а вот стволы у них действительно серьезные.

– Стволы?! – чуть громче удивился второй боец.

Наталья Крупина мысленно восхитилась: «Осенил же кого-то боженька обозвать его так точно!», – имея в виду командира группы курьеров. Сама Наталья в бога не верила. Ну не поверила до сих пор и все. А притворяться, изображать из себя истово верующую, как многие сейчас вокруг, не спешила. Впрочем, раньше для дела она могла изобразить кого угодно; так то для дела... А какие могли быть дела у Марии Павлюченко – так, делишки.

Дело начиналось сейчас, когда снова поехала на роликах тугая дверь и в вагон – теперь уже со спины Натальи – вошли качки; двое – без Лехи. Что по неписанным канонам западных боевиков, что крутили в каждом видеосалоне, означало одно – они все таки выбрали пятый вагон. Дальнейшие их действия Крупина могла разложить по секундам – в соответствии с графиком движения электропоезда. Сейчас эти двое останутся в тамбуре, дождутся, когда двери электрички закроются, и она двинется от станции Ковров-два,. А потом ворвутся назад, уже с автоматами и черными масками на лицах. Как будто их не видели уже несколько раз.

– Но так положено, – усмехнулась про себя Наталья, – если только...

Об этом: «Если только», – не хотелось даже думать, и она пока продолжила раскручивать перед собой то действие, которое должно будет развернуться здесь через пару минут. Леха одновременно с двумя первыми ворвется в задние по ходу двери, и кто-то из троих проорет что-то типа: «Тихо! Всем оставаться на своих местах – это ограбление!». И, быть может, даже пальнет короткой очередью в потолок.

– Вот тут бы больше подошел Калашников, – еще раз усмехнулась Крупина, – от него и грохота побольше, и пороховыми газами салон сразу затянет. А главное – тяжелые акээмовские пули семь-шестьдесят два прошьют потолок насквозь.

Как поведут себя пульки от «Бизонов», учитывая, что края металлической крыши вагона были сглажены, не могла бы сказать даже подполковник Крупина. Но рикошета – решила она – не избежать. Наталье приходилось стрелять из этого короткоствольного оружия с необычным стволом прямоугольного сечения, но в других – в полевых условиях.

– А здесь, – усмехнулась она незаметно еще раз, – можно и в себя попасть – после нескольких рикошетов.

Поэтому она уже приглядела для себя место на грязном полу. Место, куда нырнет, как только раздастся первый выстрел. А может и раньше. Внутренний голос – тот, что сейчас «играл» за бандитов – возразил:

– Зато в соседних вагонах не слышно. Ребята сделают свое дело, и аккуратно выйдут на следующей остановке. И махать платочками электричке не будут. Когда еще весть об ограб-

лении дойдет до машиниста, да тот свяжется с дежурным на станции, который сразу не поверит в этот бред; да в свою очередь свяжется с милицией, ну и так далее... Найдут, – поняла Наталья, – этих найдут. А меня?

Впервые сегодня Крупина подумала о том, что эта поездка на электричке может стать для нее последней. И что в гнездышко, которые Наталья всеми силами старалась сделать уютным все эти годы, она, быть может, никогда не вернется. До отправления электрички оставалась одна минута, и Крупина продолжила:

– Потом Леха и один из передних останутся у дверей, а третий пойдет по проходу, собирая жалкую добычу, пока... не нарвется на Волчару. И кто-то из них все-таки выйдет на платформе двести шестьдесят второго километра, где минут через десять обратно, в Ковров, пойдет встречная электричка. А может, не выйдет ни один. Потому что в крайнем случае придется вмешаться мне...

Так, или примерно так, рассуждал и Волчара. Только он, естественно, в своих раскладах совсем не учитывал тетку на соседнем сидении. А вот то, как он зыркал глазами на задние двери, за которыми прятался Леха, и на передние, которые начали открываться, пропускающая в вагон грабителей, показывало – о следующей остановке и встречной электричке он тоже знает.

Он уже вытянул из нутра черной кожаной куртки – настоящей, а не из кожзама – пистолет. Обычный, надежнейший пистолет системы товарища Макарова. Он зло бросил бойцам, немедленно повторившим его действия:

– Я держу тех двоих. Серега – заднюю дверь, Пашка – хвоста.

Слова действительно были злыми, но относились они не к парням, не заслужившим пока кличек, а к тем непредвиденным обстоятельствам, которые он ну никак не ожидал встретить в электричке. Не ожидал, хотя к жизненным пакостям был всегда готов.

– Как пионер, – машинально подумала Крупина, лихорадочно вспоминая, прокручивая назад картинку с самого перрона ковровского вокзала, – Хвост! Еще и хвост! Как же я проморгала? Не меня же он имел в виду... Да... – семь лет вынужденной командировки..

Командировкой она неожиданно назвала свою жизнь в лесничестве, в глухом углу. Глухом – несмотря на пролетающие совсем рядом бесчисленные поезда из Москвы в сторону Нижнего и обратно. И теперь эта командировка заканчивалась.

Хвост она определила сразу, как только процедила – за считанные секунды – сквозь мелкое сито профессиональной оценки пассажиров в передней части вагона. Им мог быть только мужчина средних лет, отличавшийся от остальных и одеждой, и манерой поведения. Пассажиры сейчас замолчали, и спокойно вертели головами, очевидно тоже почувствовав, как сгустилась атмосфера в вагоне. А этот – определенно москвич – даже не поднял, не отвернул голову от окна. Хотя, несомненно, отметил, как нагло и бесцеремонно рассматривала его Крупина. Не смотрел он и на четверку, на которых все чаще останавливались взгляды его соседей.

Сейчас из передней части вагона можно было видеть толстые, напряженные затылки двух бойцов, и лица – Волчары и «якоря». Последний был явно испуган, так что вцепился в свой портфель уже двумя руками – словно в нем была защита от страшной действительности окружающего мира. А вот в лицо Волчары, как бы он не стремился оставаться невозмутимым, было страшно смотреть. Особо глазастые пассажиры могли рассмотреть и тусклую вороненую сталь пистолетов.

Электричка, наконец, остановилась, и тот же хриплый голос объявил:

– Станция «Ковров-два», – выход на левую сторону.

На ближней к передней двери скамье засуетилась, подхватывая сумки, семья – отец, мать, и двое совсем маленьких детишек. Крупина нарисовала себе еще одну картину. Сейчас эти четверо счастливых торопливо сходят по железным ступеням, стараясь не оглядываться на широкие спины качков, затянутых кожезаменителем.

Двери вагона закрылись почти неслышно для сидящих внутри, и Наталья машинально отметила, как поплыло назад одноэтажное здание станции – тоже зеленого цвета – и как затрещала в тамбуре, за тонкой перегородкой, молния Лехиной куртки. Он негромко матюгнулся, очевидно дернув язычок молнии слишком сильно, и закусив подкладку. Или оружие, к которому были непривычны руки парня, зацепилось за что-то. Дальняя дверь поехала в сторону, открывая всем бледные, неестественно спокойные физиономии двух налетчиков и автоматы в их руках. В то же мгновение за спиной Крупиной заскользила на роликах вторая дверь, и в вагон еще более бледной копией двух первых грабителей ступил Леха. Все трое были без масок, и в груди Натальи что-то противно заныло. Этого она боялась больше всего; об этом старалась не думать – но... эти решительные лица означали одно: «Вариант – ноль!». Конечно, сами парни свой вариант вооруженного грабежа называли как-то по другому, но к подполковнику Крупиной сейчас возвращались прежние навыки и термины. Тот вариант, который сейчас полоснул по сердцу, означал, что бандиты свидетелей оставлять не собирались.

Пассажиры, скорее всего, об этом не догадывались; большинство из них уже нырнули руками в сумки, карманы – за кошельками. А один из двух передних действительно закричал, хоть и не так цветисто, как предполагала Наталья:

– Сидеть! Сидеть! Сидеть!..

Очередь из «Бизона» почти вся ушла прямо вверх, прошив крышу. Лишь две визгнули, затерявшись в задней части вагона и заставив Леху опять матюгнуться, а потом скривить физиономию в пренебрежительной улыбке – так же, как и двух молодых бойцов-курьеров. Так они отреагировали на бросок Крупиной под сидение своей лавки. Она сейчас собрала своей курткой всю грязь, что не успели вымести уборщики, и один из двух парней процедил сквозь зубы:

– Подстилка!

– Зато я сейчас практически вся в мертвой зоне, и контролирую и вашу четверку, и весь вагон – по ногам, – ответила ему мысленно Наталья, едва удержавшись от улыбки.

Она сейчас не сомневалась, что Волчара отметил ее стремительный нырок под сиденье, и задаст себе потом вопрос: «Что за тетка здесь такая, умеющая двигаться как опытный боец?». Если, конечно он вообще будет в состоянии задавать и себе, и другим какие-то вопросы.

Тройка курьеров была готова к бою. Крупину они не то, чтобы вычеркнули из всех списков; просто посчитали, что уж с ее-то стороны им ничего не грозит.

– А зря, – подумала Наталья – время подумать на отвлеченные темы пока было, – в лучшие годы подполковника Крупину в рукопашной могли одолеть разве что четверо противников – вместе; да и те были не самыми последними рукопашниками Комитета. Теперь нет ни Комитета, ни вообще Союза Советских... И из тех четверых остался в живых только один, оказавшийся заклятым врагом.

О нем она не хотела вспоминать все эти долгие семь лет; постаралась выкинуть его из головы и теперь. Тем более, что качок – потрошитель кошельков – неумолимо приближался ко второй половине вагона. Вот его ноги задержались рядом с другими – в фирменной джинсе и добротных полуботинках, явно принадлежащих «хвосту». Последний дернулся – опять таки судя по ногам – но быстрее отреагировал на эту попытку вскочить бандит у дверей. Его палец очевидно уже готов был нажать на курок автомата, и выполнил команду даже быстрее, чем ее донесли нервные окончания. «Бизон» тихо, как швейная машинка, прострекотал, и Наталья увидела «хвоста» целиком – от джинсы и полуботинок до искаженного болью лица и руки, зажимающей куртку там, где расползлось большое темное пятно.

Дело у потрошителя пошло быстрее, судя по тому, как шустрее он стал продвигаться по проходу. Наконец его тяжелые башмаки миновали последний ряд скамеек, занятых пассажирами, и ускорились, направляясь теперь прямо к четверке и невидной для него Крупи-

ной. Секунды стремительно бежали, приближая электричку к следующей остановке – туда, где должны были высадиться победители.

– Или победитель, – поправила себя Наталья, наконец-то увидевшая бандита целиком.

Парень ее вниманием не удостоил; он почти опустил руку с автоматом к полу. Даже к такому легкому, по сравнению со многими другими, стволу надо было привыкнуть. Парень же, как правильно отметила еще раньше Крупина, взял его в руки впервые. В другой руке он держал сумку, унизительно тощую для такой грозной физиономии, и еще более грозного оружия. Наталью качок так и не заметил, или не захотел замечать. Он сразу остановился напротив четверки, и начал поднимать руку с «Бизоном», который держал как пистолет. В следующий момент он дернулся, напоровшись грудью на два сухих выстрела.

Волчара даже не попытался договориться с парнем.

– Совершенно правильно, – одобрила его действия Крупина оттуда же, с пола, – хотя с такого расстояния хватило бы и одного выстрела.

Тогда пистолет успел бы остановить не только автоматчика, рванувшегося к ним от передней двери, но и Леху, который секунды полторы изображал из себя застывший столб. А потом он все-таки успел, раньше Волчары. Леха нажал на курок, и не отпускал его, пока не начинил маленькими злыми пулями сначала Серегу с Пашкой, один из которых и должен был держать его под прицелом. Вместо этого парни тупо переводили взгляды с пистолета Волчары на парня, упавшего к их ногам. Потом они уже ничего не переводили, потому что из их глаз, как и из здоровых молодых тел жизнь вытекла – быстро и безвозвратно. А стальной град переместился на Волчару, так и не успевшего повернуть к нему ствол пистолета. Они отбросили тело командира курьеров на скамью, и нашли новую жертву – «якоря». Жертва эта была большая, удобная и не требовала много времени для прицеливания.

«Якорь» умер мгновенно, прошитый остатком очереди в грудь и лицо. И тяжелая сумка, в которую он вцепился в последние мгновения своей жизни, не помогла – пули пронзили тело чуть выше ее. Будь этот курьер поменьше размерами, сумка могла бы спасти его, потому что Наталья поняла – по звуку – что в ней находится что-то очень напоминавшее бронированный кейс. Впрочем, несколько пуль попало и в изумленное багровое лицо, которое тут же стало страшным, рваным. Но Крупина не отвела взгляда в сторону; видела когда-то картины и поужасней. Она автоматически фиксировала все, что видела из-под своей скамьи, и прежде всего – Лехины ноги.

Наконец он двинулся вперед. Наталья сначала увидела его побелевший палец, застывший на курке «Бизона», который сейчас был не опасней любой другой железяки, равной ему по весу и размерам. Затем показалось и Лехино лицо – по-прежнему белое, с вытаращенными глазами. В них сейчас не было ничего разумного; метался лишь тупой безграничный ужас.

Согласно тем же законам видеожанра, он должен был сейчас браво подойти к одному из мертвых противников, и тупым носком ботинка перевернуть безвольную голову с одной стороны на другое. И еще процедить что-то сквозь зубы. В реальной же жизни он не успел сделать ничего. Не пожелал, а скорее, не успел. Потому что Наталья решила, что пришло ее время. Ее рывок из-под скамьи не заметил никто в вагоне, включая Леху, к которому этот рывок был направлен. В этом было высшее мастерство; прыжок должен быть не сильным, не эффектным – но точным и максимально эффективным.

Удар в вытянутую к месту кровавой бойни шею качка был еще больше стремительным, а для Лехи еще и милосердным, почти ласковым. Парень не упал, не умер на месте, как можно было ожидать. Его просто повело в сторону, как после мощного алкогольного удара по мозгам. Такого потерявшего всякие ориентиры человека можно было легко вести перед собой, подталкивая в спину; таким он и был нужен Крупиной. Наталья легонько толкнула парня на скамью, где сидела раньше сама. Электричка в это мгновение, наконец, остановилась, зашипев воздухом, который открывал двери. Значит, у Крупиной было не больше минуты, чтобы завер-

шись все свои дела в вагоне номер пять. Ей еще нужно было разобраться с единственным участником разборки, который остался невредимым, если конечно не считать ее саму. А может и меньше минуты – если у «хвоста» в соседнем вагоне, по всем правилам, был напарник. Очередей из «Бизонов» он мог и не слышать, но товарищ Макаров говорил гораздо громче.

Браслет на руке «якоря» был импортным, супернадёжным, как и дипломат в сумке, к которому он крепился. Надёжный для абсолютного большинства обывателей, но не для немногих посвященных. Сложную и тонкую систему замков на импортных браслетах невозможно было взломать, не имея ключа. А вот грубо расколошматить всю внутреннюю начинку – не тянуть две половинки из прочнейшего сплава в стороны, а напротив – вколотить одну в другую – было вполне возможно. Та половина наручников, которую нацепили на руку «якоря», для таких экспериментов не годилась; она туго обхватывала эту самую руку, еще теплую и послушную. Вторую половину браслета – на ручке дипломата – установить вертикально на скамью не составило для Натальи никакого труда. Несильный, но точный удар; хруст заморского механизма... Браслет распался на две половины, и Крупина удовлетворенно улыбнулась – единственный удар был столь несильным, что на лакированном деревянном сидении не осталось даже малейшей вмятины. Русская сосна оказалась тверже импортной стали!

Наталья подхватила потертую сумку за изящную и прочную ручку. Другой рукой она дернула кверху за воротник турецкой куртки Леху. Тот послушно потопал к выходу, подталкиваемый в спину жесткой рукой. Дверца поехала, закрываясь за ними, и в это же мгновение в противоположном конце вагона открылась другая дверь. Она впустила в вагон, заполненный смертью, ужасом оставшихся в живых пассажиров и кислым запахом пороха, плечистого красавца. Это без всяких сомнений был напарник «хвоста». Человек опытный, несомненно, не раз побывавший в передрягах, он все же застыл в дверях, обозревая открывшуюся перед ним картину. А потом бросился к напарнику, наконец-то застонавшему на линолеумном полу.

Наталья отметила и этого красавчика, очень похожего на известного голливудского актера, которого она совсем недавно видела на экране своей «Электы» – дешевой видеодвойки; и общую картину разгрома в вагоне; и наконец – уже готовясь прыгнуть на ступеньку – шевеление в куче мертвых тел. Волчара вдруг открыл глаза и посмотрел на нее мутным взглядом.

– Живой! – удивилась Крупина, прыгивая на платформу из железобетонных плит, и бесцеремонно скидывая рядом Леху.

Разбитые коленки и содранная кожа на ладонях парня были первыми, и самыми легкими в грядущей череде неприятностей, ждущих его. Наталья легко вздернула Леху обратно на ноги, и мысленно перечислила всех, кто мог сделать в будущем ему очень больно.

– Милиция, которая, как известно, меня бережет; хозяин «Бизонов»; наконец – еще один хозяин, который не дожидается тяжелого дипломата, который по-прежнему прятался в сумке. Ну и меня саму, – хмуро усмехнулась Наталья, – ты не скоро забудешь.

Дипломат был нелегким, но намного тяжелее – вздохнула Крупина – была ее хозяйственная сумка. Впрочем, гораздо важнее безвозвратной потери сумки со всем ее пятисотрублевым содержимым было появление на платформе еще одного возможного недоброжелателя – Лехино, и, возможно, ее самой. В закрывающиеся двери четвертого вагона выпрыгнул еще один плечистый здоровяк.

– Что их там, по одному образцы лепят, что ли? – проводила она взглядом человека, который даже не оглянулся на них.

Здоровяк одним лихим прыжком перепрыгнул через канаву, что тянулась вдоль всего перрона, и исчез в лесу. В том самом сосняке, который практически вплотную подступал к полотну Горьковской железной дороги на двести шестьдесят втором километре, считая от Курского вокзала российской столицы.

Не понравились – ох, как не понравились Наталье эти прыжки. Слишком правильными они были, тренированными. Именно такими, как учил, вдальбивал в стриженные головы до седьмого пота инструктор в родном Рязанском училище. Единственная голова – ее, Наталья – была тогда стриженной хоть и коротко, но не на ноль. Но доставалось ей не меньше, а зачастую побольше, чем остальным. Хотя бы вот этому здоровяку, чья массивная фигура в считанные секунды растворилась меж толстых сосновых стволов. И эту фигуру она помнила; не смогла забыть, несмотря на два с небольшим десятка лет, что пролетели с тех трудных, но таких счастливых дней.

Наталья тепло улыбнулась, увлекая Леху в тот же сосняк, но по хорошо натопанной тропинке. Ей нечего было делить с давним знакомцем. Разве что дипломат, да «Бизон», что помещился в одной с ним сумке. Не тот пистолет-пулемет, в котором Леха извел весь рожок, а другой, подхваченный у убитого Волчарой грабителя. Ну, еще и самого Леху. Но парня она готова была отдать целиком, не делясь. Естественно, предварительно расколов до самого доньшка. Так что старого знакомого она не боялась, но хотела, чтобы и милиция, и вся та свора, что скоро зашевелится, искала подольше Марию Павлюченко, а не Наталью Крупину. Последнюю человек, сейчас крадущийся в лесу, вряд ли забыл.

Узкая тропка, натопанная множеством ног, петляла между вековых сосен. Она вела к бывшему Ащеринскому карьеру, заброшенному давным-давно вместе с двумя десятками домов и людьми, в них обитавшими. Теперь там доживали свой век несколько стариков, да в последнее время все чаще стали наезжать дачники. Наталье туда не было нужно. Ее вполне устроила небольшая полянка справа от тропы, куда она довела до сих пор не упиравшегося Леху. Здесь она и уложила парня на потерявшую уже изумрудную сочность траву.

– Сначала дипломат, – прошептала она чуть слышно, вынимая последний из сумки, – максимум две минуты – как раз столько нужно Басмачу, чтобы добраться до вон того, скажем, куста.

Дальше она размышляла беззвучно. Ее пальцы стремительно накручивали диски цифровых замков. Маленькие желтые диски крутились гладко; точнее почти гладко – для любого другого. И для выпускников Рязанского десантного училища тоже. Слушать, вернее, слышать такие замки Наталью учили много позже и в другом месте. Один за другим диски останавливались там, где это заставили сделать их чувствительные подушечки пальцев Натальи.

– Гляди-ка, не забыла! – вроде бы удивилась она, беззвучно распахивая дипломат.

Крупина предполагала, что могли перевозить в кейсе с такой охраной, поэтому не пристыдилась от изумления, когда увидела ровные стопки пачек. Она подняла одну, надорвала упаковку. Стодолларовые купюры были упакованы вручную, в узкие бумажные ленты без всяких банковских реквизитов.

– Можешь не пересчитывать, – раздался знакомый с детских лет голос, – там ровно миллион.

Наталья вздрогнула, как дернулась бы от испуга любая другая тетка средних лет, неожиданно услышавшая чужого в лесу; губы же расплылись в широкой улыбке, которую Басмач не мог видеть – она стояла на коленях перед раскрытым дипломатом. Как и задумывала, кстати.

Басмач успел к кусту даже раньше срока, а значит, больше времени оставалось на Леху. На целых двадцать секунд больше.

– Закрой дипломат, – скомандовал Басмач.

Крупина послушно шелкнула замками.

– Теперь ползи сюда с ним.

Наталья теперь совсем опустилась на четвереньки, нагнула голову к земле так низко, что ее лица под низко опущенной вязаной шапочкой практически не было видно, и стала разворачиваться – так же на четвереньках.

– Стоп! – поступила новая команда, – давай задом.

– Эге – воскликнула мысленно подполковник, – а Басмач-то тоже не хочет показывать своего личика. А может, хочет вместе с миллионом и мной попользоваться, на халяву?

Назад Наталья ползла еще более неуклюже и медленно, оценивая расстояние до Басмача с точностью до миллиметра. Еще она знала, что тот готовится обрушить на ее затылок что-то твердое – пистолет, а может, палку или камень – что он мог еще подобрать в лесу? Но для этого он должен был подпустить Крупину к себе почти вплотную.

– Ох, Басмач, – почти ласково протянула беззвучно Наталья, – учили тебя, учили – в Рязани, в Афгане, где там еще? Ну, нельзя же попускать к себе так близко женщину, которая за полторы минуты смогла раскрыть цифровые замки. Положим, про замки ты мог не знать. Но подумать, что миллион баксов в обычном чемоданчике не носят, должен был?

Чуть слышно скрипнула куртка; потом треснула ветка под подошвой ботинка, на которой перенес вес своего тела Басмач. Он явно замахивался для удара. Наталья четко видела, даже не оглядываясь назад, как вытягивается плоский живот человека, стоящего позади, и как начала опускаться вниз его рука, вооруженная неведомым пока оружием. Ее ладонь выпустила ручку дипломата; обе руки уперлись в толстый слой лесной подстилки, и кованые каблуки наших, отечественных башмачков, устремились назад, поочередно. Правый впечатался в живот Басмача – тренированный, защищенный, твердый – и пробил эту защиту. Левый пошел выше, не так резко – навстречу большому лбу потерявшему равновесие Басмача. Наталья оказалась на ногах раньше, чем ее давний знакомый упал на землю. Теперь скрываться не было необходимости. Пятнадцать минут – не меньше – Басмач будет в отключке. А потом... потом Крупина будет уже далеко. Где? Она и сама пока этого не знала.

Рядом застонал и зашевелился Леха. Совсем скоро он пришел бы в себя без посторонней помощи. Однако у Крупиной не было времени ждать так долго. Поэтому она действовало грубо, но действительно. Маленькая мушка прицела «Бизона» – единственная остро выступающая деталь оружия – прочертила рваную кровавую полосу через все лицо парня; она оттянула левый край нижней губы; порвала ее и закончила свой путь, немного не добежав до конца квадратного подбородка.

Леха очнулся разом. Ужас совершенных убийств еще не пришел к нему, зато по порванной губе поползла нехорошая улыбка – он узнал Крупину. Вот только выражение лица у склонившейся над ним теткой было совершенно другим, чем прежде. Оно было не испуганным, не заискивающим. Сейчас на парня смотрели холодные серые глаза, которые обещали новую боль – гораздо нестерпимей. И Леха вдруг понял, что эта тетка действительно может принести ему эти страдания, как приносила наверняка раньше – другим людям. Но на других Лехе было наплевать, а вот на самого себя... Его улыбка стала жалкой, и он даже перестал ощущать боль от той раны, что перечеркивала его физиономию. А Крупина начала говорить почти ласково, что только подчеркивало страшный смысл ее слов:

– Слушай меня внимательно, Леха. Слишком много серьезных людей возьмутся за тебя скоро. Может быть, ты пожалеешь, что не умер там, в вагоне, со своими друзьями.

Леха дернулся, а Наталья продолжила – еще мягче и страшнее:

– Сначала менты. Им пять трупов в электричке не подарок. А отвечать за них – тебе одному. Потом в тюрьме тебя ждет совсем райская жизнь, когда доберется весточка от хозяйина вот этой игрушки, – Крупина ткнула ствол «Бизона» почти прямо в глаз парня, и тот сжался, тщетно пытаясь вдавить затылок в твердую сосновую кору, – а на десерт тебя поимеют те ребята, у которых сегодня пропали вот эти бумажки.

Наталья снова достала из дипломата пачку с надорванной оберткой, и обратно доллары посыпались уже по отдельности – веселым зеленым водопадом. Баксы явно переменили ход мыслей парня – в ненужную для Натальи сторону, и поперек его лица тут же начала свою страшную пробежку вторая рана. Букву «икс» мушка так и не дочертила до конца, потому что Крупина увидела, что в Лехины глаза вернулись страх и послушание.

– Но до тюрьмы еще надо дожить, мальчик, – продолжила она, и парень снова сжался, непостижимым образом уменьшаясь в размерах, – а ты умрешь здесь и сейчас, если не ответишь на один простой вопрос: «Где и у кого вы взяли эти игрушки?».

Вопросов было два, но Лехе было не до таких тонкостей. Он с ужасом уставился в черное отверстие дула, которое надвигалось ему в левый глаз. Что-то еще трепыхнулось в голове, даже начала зарождаться мысль:

– Вот сейчас перехватить левой рукой дуло, – читала его мысль Крупина, – а правой...

Додумать парень не успел, потому что «Бизон» плавно, на первый взгляд медленно, а на самом деле так, что перехватить его не успел бы гораздо более опытный рукопашник, развернулся, и ткнулся прикладом в его правое колено. Леха дернулся, пронзенный дикой, невыносимой болью. Глаза его начали закатываться; парень готов был опять провалиться в спасительное забытие. Но кто бы ему дал сделать это?!

«Бизон» поплыл так же медленно и неумолимо – к правому колену, и Леха судорожно подтянул эту ногу к груди. Он обнял руками колено, словно величайшую ценность. Хотя и не знал пока, что оно, это колено, действительно осталось у него одно. Потому что в том месиве костей, жил и мяса, которой сейчас стремительно заполнялось кровью в месте несильного на вид удара прикладом, человеческого колена – таким, каким его создала природа – уже не было и никогда не будет. Наталья знала, что тут не смогут помочь даже лучшие хирурги мира, и совершенно не жалела о содеянном. Всю вину она переложила на самого парня. Точнее он сам на это пошел – еще там, на перроне, когда пнул ногой сумку. Или раньше... Вот об этом «раньше» он и заговорил взахлеб. Уточняющих вопросов почти не потребовалось. Удивительно, как может всего один удар (ну – еще ожидание второго) научить парня говорить грамотно, быстро; опуская ненужную словесную шелуху.

Уже через две минуты Крупина знала о Лехе все. И о безоблачном детстве с родителями – одними из первых удачливых ковровских бизнесменов; о доме, которые они построили на обширном пустыре рядом с больничным комплексом завода имени Дегтярева. И о старом заброшенном коллекторе – обычной бетонной трубе с внутренним диаметром чуть больше полуметра, которая как раз проходила через подвал Лехино (и родителей, конечно) особняка. Труба эта заканчивалась в непроходимых кустах, где почему-то никто не захотел строиться.

Нелепая смерть родителей в автокатастрофе перечеркнула Лехину жизнь. Поначалу он ударился в загул – длинный, страшный и беспробудный. А когда очнулся, оказалось, что у него больше не было ни дома, ни денег, которые никогда не переводились в кармане. Остались только два друга детства... Леха замолчал – вспомнил, что друзей сегодня тоже не стало.

На вопрос – идти работать на завод – за жалкие гроши, или постараться решить проблему с деньгами разом, без особых усилий, ответ нашелся сразу – в пользу второго варианта. Другой вопрос – с чего начинать? – тоже отпал сам собой, когда Леха вспомнил о старом коллекторе.

В коттедже, как оказалось, новый хозяин не жил. Он сдавал его личностям неприметным и часто меняющимся. Таким, которым было некогда обшаривать надежный, на первый взгляд подвал. Скорее всего, пропади что из этого подвала, временные жильцы вряд ли побежали бы с заявлением в милицию. По крайней мере, после первого «похода» дружков в подвал некогда родного Лехино дома реакция была именно такой. А вчера подвал оказался пустым. Если не считать трех «Бизонов», сиротливо выстроившихся в углу в пирамидку. Сам Леха их, скорее всего, даже трогать бы не стал. Но его друг, успевший отслужить в каких-то крутых войсках, решительно засунул их в рюкзак. А потом еще и посмеялся, обрисовав подельникам изумленные физиономии жильцов, обнаруживших пропажу. Ни он, ни двое других будущих грабителей не предполагали, что когда-нибудь встретятся с хозяевами оружия.

На следующий день, то есть сегодня, банда пошла на дело...

– Третий коттедж на первой линии. Зеленый, с красной черепичной крышей. Ворота металлические, тоже зеленые, – повторила Крупина адрес.

Парень утвердительно кивнул – прямо навстречу стальному прикладу. Наталья не пожалела силы, направляя автомат в его широкий лоб. А что ей жалеть Леху? Разве он жалел кого, поливая пулями пятый вагон. К тому же ей не хотелось, чтобы Леха очнулся раньше, чем ее старый знакомый.

– Да, – довольно подумала подполковник, оглядывая сползающее на подстилку тело, – с ним менты не меньше недели будут возиться, пока приведут в память... если вообще приведут. А больше и не потребуется.

Где-то вдалеке чуть слышно прогудела электричка, отходящая от станции «Гостюхино» сюда, в направлении Натальи и двух бесчувственных мужских тел. Почти сразу же ей отозвалась та, которую совсем недавно покинула Наталья. Ну и Леха с Басмачом, соответственно. Это означало, что тот ужас, что творился в пятом вагоне, еще не доплеснулся ни до машиниста, ни до дежурного по станции. А для Натальи – увеличивался шанс оторваться от преследования, которое еще не началось, и обойтись без контакта.

– Пять минут, пять минут, – пропела Наталья на мотив старой песенки из «Карнавальная ночи».

Именно столько времени обычно шла электричка до платформы, куда уже собралась возвращаться Крупина. Времени было вполне достаточно, чтобы высыпать миллион долларов в сумку и неторопливо обыскать Басмача.

– Емельянов Николай Юрьевич, – прочитала Крупина в красной книжечке хорошо знакомые фамилию, имя, и особенно отчество.

Они могли удивить кого-то другого – загляни только он, или она – в лицо Басмача. Лицо это вполне соответствовало детскому прозвищу, и могло скорее принадлежать узбеку, киргизу, или какому-нибудь туркмену. Между тем Наталья знала, что в паспорте, которой и Басмачу, и ей самой выдали в один день, только в разные годы, в графе национальность стояло: «русский». В этой книжице, в удостоверении, про национальность ничего не говорилось; зато сообщалось, что Емельянов является майором Московского СОБРа. Вот теперь Наталья действительно удивилась.

Майору СОБРа никак не подходила роль обычного топтуна, да еще так далеко от Москвы. Если российскому телевидению можно было доверять, то собровцы – это штурм; это мордой в грязь, или в капот автомобиля. Наконец это ноги шире плеч и удар резиновой дубинкой или кованым сапогом между ног подозреваемого. Для слежки больше бы подошел кто-то неприметный, не с таким широким разворотом плеч, и тем более не такой физиономией, как у Басмача.

– Впрочем, – подумала Наталья, возвращая удостоверение на место, – это ваши игры, ребята. Разбирайтесь сами.

Она поправила вязаную шапочку на голове Басмача, прикрыв левое ухо. Последнее было приметным – памятным и самому Емельянову, и Крупиной. «Бизон», так и не сделавший ни одного выстрела в лесу, но сослуживший хорошую службу, лег в сумку поверх зеленых купюр. Резко зашипела молния, закрывая такое необычное содержимое сумки. Ровно через минуту подполковник Крупина стояла на платформе, где уже собралась небольшая толпа пассажиров. Еще через две электропоезд вез ее к Коврову – все дальше и дальше от леса, где остались лежать Басмач и Леха, фамилию которого Наталья так и не спросила. Там же остался и бесплотный дух Марии Павлюченко, умершей во второй раз, теперь уже окончательно.

Глава 2. Шестидесятые годы двадцатого века. Рязанский областной специализированный детский дом Тени прошлого

Областной детский спецдом занимал бывшую усадьбу богатого рязанского фабриканта. Фабрикант этот в свое время не успел удрать, воссоединиться с капиталами, которые перевел в один из почтенных швейцарских банков незадолго до Октябрьской революции. За годы советской власти рядом с центральной усадьбой выросло несколько строений, но все они казались временщиками, только портящими вид великолепного старинного ансамбля.

Пугающую приставку «спец» детский дом носил, в общем-то, незаконно, хотя расставаться с ней не спешил. В спецдомах, как известно, воспитывают (или пытаются делать это) малолетних преступников или детей с неизлечимыми болезнями – то есть таких, которые не нужны никому, кроме государства. Государства, которое мало кто уважал, но обращался к нему всякий раз, когда попадал в беду.

Рязанский детдом правильнее было бы назвать экспериментальным. Чья-то высокочудрая голова придумала совместить в этом старинном здании Дом малютки, где растили отказных грудничков, и собственно детский дом. В таком заведении, полагал ученый экспериментатор, можно было попытаться создать настоящую семью – где старшие заботятся о малышах, где младших потом не травмируют, переводя в очередной приют – для детей постарше; к новым воспитателям и воспитанникам.

Ученый защитил диссертацию и издал толстенный труд. Новоиспеченный доктор педагогических наук быстро забыл о Доме, а он продолжал жить своей жизнью. Персонал тихо радовался тому, что приставку «спец» не отобрали, так же, как и двадцатипроцентную надбавку к зарплате, положенную по этой причине.

Имена, отчества и фамилии дети получали прямо здесь, из уст директора Дома – пробивного, и одновременно доброго (бывает и такое) Юрия Ивановича Рябова. Фамилию директор подбирал мгновенно – сообразно обстоятельствам поступления ребенка в детдом. Имена практичный Юрий Иванович давал согласно таблице, раз и навсегда занявшей место под стеклом его служебного стола. В таблице тридцать одному дню месяца соответствовало столько же женских, и мужских имен. Как только из родильного дома, или из милиции привозили очередного несчастного малыша, толстый палец Рябова тут же находил в календарике число, и мальчик или девочка обретали имя. С отчеством было еще проще. Юрий Иванович не без основания считал всю шумную ораву воспитанников своими детьми. Поэтому все выпускники Дома, закрывая за собой старинные тяжелые двери, имели паспорта с одинаковыми отчествами – Юрьевич. Или, соответственно, Юрьевна.

Третьего ноября шестидесятого года нянечка, первой вышедшая утром на широкое каменное крыльцо, нашла сверток. Девочка в нем молча и сосредоточенно сопела, несмотря на сырую осеннюю погоду и редкие снежинки, не желающие таять на ее лице. Эти белые крупинки так и не успели растаять, когда малышку впервые увидел Рябов. И она тут же получила фамилию – Крупина. Имя Наталье нашлось напротив третьего числа, ну а отчество... Отчество она получила, как только нянечка подхватила на руки сверток. Родителей доблестная рязанская милиция так и не нашла.

Наташка Крупина была не первой, кто попал в этот Дом подобным образом. Летом одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года на том же крыльце был найден еще один подкидыш – смуглый и узкоглазый. Юрий Иванович в тот день читал книгу о народном разбойнике Еме-

льяне Пугачеве. Мальчишка тут же стал Емельяновым, а заодно Николаем Юрьевичем. Жизнь повернула так, что ему не пришлось стать Абдуллой или, к примеру, Саидбеком. А директора ни его смуглое лицо, ни широкий приплюснутый нос, ни черные глаза, весело поблескивающие в свертке, не смутили. Он еще и в графе национальность, нисколько не сомневаясь, поставил – «русский».

Мальчик так и пробегал Колькой до десяти лет. А потом в Дом привезли киноленту о славном революционном прошлом «Всадники революции». Зрительный зал, заполненный воспитанниками и воспитателями, дружно болел за «наших». Пока посреди фильма чей-то звонкий мальчишеский голос не перекрыл и шум в зале, и пулеметную очередь в динамиках:

– Колька, когда ты вырастешь, точно будешь похож на этого басмача.

Киношный герой был никаким не басмачом, а как раз командиром красных конников. Однако сходство его с Колькой, несмотря на разницу в возрасте, было несомненным, и кличка намертво приклеилась к мальчишке.

В годы развитого, или – как его назвали позднее – загнивающего социализма, у каждого детского дома были шефы. У этого Дома кроме богатого оборонного предприятия был еще один необычный шеф – Рязанское десантное училище. Опытный инструктор вел здесь секцию рукопашного боя, а лучшие его ученики, как правило, становились курсантами. Басмач к шестнадцати годам вытянулся и раздался в плечах. Он стал если не лучшим, то одним из самых перспективных в секции. Однажды он дождался, когда в столовой не останется ни одного воспитателя и показал всем внушительный кулак:

– Я теперь не Басмач, понятно? Я просто Николай. Николай Юрьевич Емельянов, всем понятно?

Понятно было всем. Меж собой воспитанники все проблемы решали без участия воспитателей, и крепкий кулак был одним из самых весомых аргументов. Басмач – не сразу, конечно – снова стал Николаем, и скоро переехал из Дома в казарму будущих десантников. Но до того состоялся его первый контакт с Наташкой Крупиной. Первый, но, как он безосновательно надеялся, не последний.

Секция рукопашного боя в Доме была престижной. Попасть в нее было нелегко, а для девочки – совсем нереально. По крайней мере до того памятного дня прецедентов не было. Инструктор, руководитель секции, регулярно проводил отборочные соревнования – по бегу, прыжкам, подтягиванию на перекладине. В тот очень памятный – и для Натальи, и для Николая Емельянова – вечер мальчишки подтягивались. Старались изо всех сил, потому что тренер объявил: победитель автоматически зачисляется в секцию. Лучший из парнишек подтянулся сорок раз – результат для двенадцатилетнего пацана очень даже приличный.

Инструктор одобрительно кивнул, и начал очередной счет – за ловко забравшимся на перекладину подростком. И только по изменившемуся вдруг настроению в спортивном зале он почувствовал неладное. На перекладине – судя по задорно торчащим в стороны косичкам – висела девочка. Она начала подтягиваться очень быстро, словно боялась, что ее сейчас погонят из зала. Инструктор действительно хотел сделать это, даже подошел поближе к турнику, но... девочка уже побила рекорд сегодняшнего вечера и он остановился. А зрители – уже сами не замечая – начали считать вслух:

– Сорок два, сорок три, сорок четыре...

Движения необычной претендентки замедлились, но тренер вдруг заметил, как в ней что словно лопнуло, прорвалось наружу неистовой энергией. И девочка опять начала подтягиваться мощно, равномерно – как поршень паровой машины. А взрослый мужчина, понявший, что видит сейчас перед собой рождение чуда, какое удастся увидеть редко какому наставнику, считал вместе с залом:

– Шестьдесят семь, шестьдесят восемь...

Когда счет перевалил за сотню, он спохватился – чудо чудом, а закон сохранения энергии никто не отменял. Тренер понял, что эта удивительная девочка будет подтягиваться, пока не свалится с турника без сознания. И он скомандовал: «Хватит!», – и даже подхватил ее за ноги, чтобы помочь опуститься на дощатый пол. А девочка, которая, оказывается, тоже шептала со всем залом, в последний раз вытолкнула сквозь зубы: «Сто двадцать пять!», – и подтянулась вместе с повисшим на ней взрослым мужиком. И только после этого отпустила перекладину.

Тренер подхватил ее на плечо, и так отнес ее к столу, покрытому обычной кумачовой скатертью. Крупина не слышала, что говорил сейчас этот человек. А он, закончив свою короткую речь, вручил Наташе приз, естественно рассчитанный на мальчишку – большой пластмассовый автомат на батарейках. Автомат громко трещал, и имел почти настоящий пламегаситель, внутри которого горела красная лампочка.

Соревнования, как обычно, закончились праздничным шефским ужином, и зрители дружно потянулись в столовую. Они оглядывались на растерянную Наталью, прижимавшую к груди игрушку. В зале оставались лишь несколько парнишек – в основном из самых старших. Им, конечно, не к лицу было рваться в столовую впереди всякой мелюзги. Уж их-то мест никто бы занять не решился. Главным в этой компании был Басмач, который и сам стал забывать, что его так зовут. А тут ему напомнили.

Емельянов подошел к замершей у стола девочке и протянул руку:

– Ну-ка, дай сюда!

Зачем он это сделал, Николай сам бы не смог ответить. Игрушка ему была не нужна – он скоро должен был взять в руки настоящий автомат. Крупиной пластмассовый автомат тоже, в общем-то, не был нужен. Но это была первая в ее жизни собственная вещь. С игрушками в Доме проблем не было. Но то были общие; их мог взять любой, а эту... Наташа спрятала автомат за спиной и покачала головой:

– Уйди, Басмач, не дам!

Николая давно уже не называли так. Конечно, с кулаками на эту малявку он не набросился, но в свои руки сгреб, попытавшись дотянуться до игрушки. А его левое ухо оказалось как раз напротив лица Крупиной. В двенадцать лет у Наташи все было острым – и локти, и коленки, и почти невидные под футболкой грудки. Но самыми острыми у девочки были зубы, которыми она и вцепилась в это ухо, в смуглую мочку. Мягкую плоть ее зубы отхватили, даже не заметив – неожиданно и для Николая, и для самой Крупиной.

Емельянов только коротко вскрикнул и выхватил из нагрудного кармана белоснежный платок. Без такого платочка не ходил ни один воспитанник – с гигиеной в Доме было строго. Платок сразу же окрасился в красное, а Емельянов испарился из зала так быстро, что едва не сбил с ног заместителя директора по воспитательной работе. Этого человека дети зло и вполне справедливо называли «замом по режиму». Он имел удивительную способность появляться в самый критичный момент. Вот и сейчас он со строгим лицом протянул девочке руку: «Что там у тебя во рту?».

Этот человек работал в Доме недавно. Он не вжился в коллектив, но вцепился в него мертвой хваткой. Поговаривали, что даже директор пытался избавиться от заместителя, но у него ничего не получилось. Вот такой человек протянул ко рту Натальи руку. Девочка улыбнулась, не раскрывая пока рта. Она вдруг представила, что этот неприятный и ей, и ее друзьям человек стоит на паперти и выпрашивает милостыню.

– Да пожалуйста, – подумала она вполне по-взрослому, – мне не жалко.

И аккуратно выплюнула на ладонь кусок уха и кровь вперемежку с собственными слюнями. Мужчина, наверное, очень пожалел об этом. Дело в том, что Виктор Борисович, «зам по режиму», очень боялся крови. А сейчас на его собственную ладонь выплюнули что-то столь чудовищное и отвратительное, что он без слов опустился на деревянный пол. А пока падал

в обморок, успел «насладиться» презрительной ухмылкой девчонки. Дети – это общеизвестно – вообще очень жестокие создания. А Наталья сейчас была переполнена эмоциями – и победой на турнире, и позорным бегством Басмача. Наконец тем, как менялся в лице – от багрового, до пугающе белого – цвета, а потом падал без сознания этот неприятный мужчина.

Это было зрелище! Это было великолепно! На это выскочили из столовой и толпились за спиной Натальи воспитанники и воспитатели. Пока, наконец, не появился Юрий Иванович, и не разогнал всех по местам. Виктора Борисовича унесли, а для Наташи этот инцидент имел самые неожиданные последствия. Басмач, когда ему рассказывали про позорный обморок, хохотал как сумасшедший. Так, что оторвал платок от присохшего уха, и на костюме опять закапала кровь. Он готов был пожертвовать еще одной мочкой, лишь бы увидеть эту сцену собственными глазами. Емельянов во всеулышание заявил, что не имеет никаких претензий, и что Наташа была вправе защищать свой приз всеми доступными ей способами.

Единственным неразрешенным вопросом осталась пропажа злосчастной мочки. Скорее всего, его замела невнимательная уборщица; а может, утащили в норку мыши, которые не переводились в старинном особняке, как бы их не травили. Но еще долго старшие воспитанники рассказывали младшим страшную сказку о кровожадном Борисыче, который откусил и сожрал ухо Басмача.

«Зама по режиму» с тех пор за спиной, а иногда и в глаза называли Ухом. Он терпел и копил злобу на Наталью. И она, наконец, прорвалась наружу. Что-то видимо стронулось в голове воспитателя, если он решил наброситься на тринадцатилетнюю девочку. Задумывался ли он о последствиях, когда подкараулил ее одну в том самом зале? В зале, из которого Крупина выходила только на уроки, ну еще на вполне необходимые мероприятия – еду, сон, прогулки. Которые, оказывается, тоже имели немалое значение в системе тренировок. За год Наталья вытянулась, округлилась. Но внешне не стала сильнее, хотя тренер удивленно качал головой, наблюдая за ее спаррингами.

Об этом Виктор Борисович тоже не подумал, когда подпирал дверь спинкой стоящего рядом стула. Наталья усмехнулась:

– Значит, Виктор Борисович, свидетели вам не нужны? Ну-ну...

Мужчина навис над Наташей, которая спокойно шнуровала кеды, сидя на длинной скамье у стенки зала. Руки Виктора Борисовича уже почти сжали Наташины плечи, которые за этот год налились силой. Но не на силу в первую очередь делал акцент в ее тренировках тренер. Крупина скользнула со скамьи на пол и змейкой перетекла между ног Уха. Уже там, сзади, стоя, звонко хлопнула крепкой ладошкой по обтянутой брюками заднице. Виктору Борисовичу оценить бы сейчас этот удар, от которого онемела вся правая ягодица. Но очевидно он был недостаточно сильным, чтобы привести Виктора Борисовича в чувство. Он лишь привел его в крайнее возбуждение.

Ухо снова пошел на Крупину, широко разведя руки. Последняя не убежала, хотя дверь, подпертая стулом, находилась за ее спиной. Она спокойно дождалась, когда Борисыч подойдет вплотную, опять сводя руки на уровне плеч девочки, и только тогда нанесла удар. Без замаха, неожиданный, такой, как учил инструктор – в самое уязвимое мужское место.

«Зам по режиму» отступил назад, хватая широко открытым ртом воздух, и наклонился, зажимая ладонями ушибленное место. Крупина сделала вбок один шаг и правой ногой нанесла классический каратистский удар – только без громкого «Кий-я!», означавшего чистую победу.

Неизвестно, сколько пролежал на полу спортивного зала Ухо после ухода Натальи. Наверное, последний удар прочистил ему мозги. Уже следующим утром он положил на стол директора – на тот самый кусок оргстекла – заявление об увольнении. И навсегда исчез из жизни Крупиной.

Емельянов успешно поступил в училище, а Наталья еще четыре года прожила в доме. Она продолжала заниматься в секции, неплохо успевая по основным учебным дисциплинам.

Не только потому, что таким было требование тренера, но и благодаря способностям Натальи, которые позволяли без особых усилий учиться на четыре и пять. Могла бы и на одни пятерки, но для нее главное было – секция.

Основным местом ее тренера было все-таки училище. Он так и не рассказал Наталье, какой разговор состоялся у него летом семьдесят седьмого года с заместителем начальника училища по учебной работе. Замначальника тоже когда-то был учеником тренера. Теперь генерал-майор встречался со своим старым другом только на «площадке» для преферанса, хотя о давних тренировках не забывал.

Сейчас генерал возмущенно тряс головой:

– Ты думай, что говоришь, Михаил Михалыч! Девку в курсанты! Да будь она хоть трижды чемпионом. Только представь себе – вот заходит она сюда, и...

Генерал-майор молодежато щелкнул каблуками ботинок и отрапортовал себе самому, кинув правую ладонь к отсутствующему козырьку:

– Товарищ генерал майор! Курсант Пупкина представляется по случаю возвращения из декретного отпуска... А там, – замначальника яростно ткнул в окрашенную светло-серой краской стену, где под портретом Ленина сиротливо висел график отпусков преподавателей, – будет висеть график месячных по курсам. Понимаешь, майор (именно такое звание имел тренер) – не месячных отпусков, а просто месячных!

Тренер сознавал, что затевает практически безнадежное дело, пытаясь протащить Крупину в курсанты десантного училища – вопреки всем уставам, приказам, а главное – традициям. У него был один козырь – маленькая слабость генерала. Слабость, которая уже не один раз помогала майору в его спорах с начальником. Заместитель начальника училища по учебной части был яростным, просто патологическим спорщиком.

– Хочешь пари, Николай Антонович? – хитро прищурил глаз майор, переходя на дружеский тон.

Он словно очутился сейчас не в кабинете начальника, а в собственной холостяцкой квартире, где обычно и расписывали пульку три офицера и один генерал.

– Пари?! – поперхнулся генерал-майор.

– Да, пари! Ящик армянского коньяка и... моя девочка против лучшего выпускника по твоему выбору. Если Крупина побьет его, она – курсант. Если нет – и суда нет.

Генерал еще немного посопротивлялся; затем естество пересилило, и он сдался.

Так случилось, что лучшим отделением последнего курса командовал старший сержант Николай Емельянов. Его и вызвал к себе замначальника училища.

– Заходи, курсант, – весело пригласил в кабинет Николая генерал-майор после обязательного приветствия старшего сержанта.

Емельянов застыл столбом у двери, провожая взглядом генерала, который остановился у стола.

– Боевое задание для тебя, сержант, – продолжил начальник, – точнее, для твоего отделения. Выделишь лучшего рукопашника, чтобы заломать на ринге одну девчонку.

В голове Емельянова зародилось смутное подозрение, и он осторожно спросил:

– Разрешите обратиться с вопросом, товарищ генерал-майор!

– Давай, сержант.

– Разрешите узнать фамилию девчонки, товарищ генерал-майор!

Тот хохотнул и подвинул к себе бумажку с ходатайством майора-тренера:

– Вот! Крупина Наталья Юрьевна.

Николай не изменился в лице, но внутренне содрогнулся. Он даже нарушил привычную, вымуштрованную за четыре года строевую стойку. Нет, он не боялся проиграть Наталье; в собственных силах был уверен. Но против Крупиной вышел бы, только подчинившись прямому приказу. Басмач вдруг подумал, что Наталья, если ее прижмет, опять вцепится зубами в любое

незащищенное место на теле. Он не хотел, чтобы это любое место оказалось на его теле. Тем более, что в зубы Крупиной могло попасть не ухо, а что-нибудь гораздо раннее и нужнее. Не оторви когда-то судьба Николая от его родителей, быть бы ему сейчас правоверным мусульманином. Становиться им сейчас, в двадцать с небольшим лет, да еще таким экзотическим способом, он не хотел. Поэтому он украдкой от генерала, опять что-то высматривающего на столе, потер короткую мочку левого уха и четко оттрапоровал:

– Предлагаю сержанта Семенова, товарищ генерал-майор.

Сержанта Семенова генерал тоже хорошо знал, потому утвердительно кивнул головой, хотя предполагал, что Емельянов лучшим рукопашником считает себя. Он даже чуть поморщился, посчитав, что сейчас сержант Емельянов сделал что-то, недостойное будущего десантника...

Поединок проходил в обычной учебной аудитории, довольно просторной и пустой по случаю предстоящего ремонта. Были и зрители – совсем немного, во избежание ненужной огласки. Генерал-майор уже жалел, что ввязался в этот глупый спор. Впрочем, он знал боевую выучку выпускного курса; сержант Семенов был среди лучших. Поэтому лишь улыбнулся, увидев Наташу Крупину – обычную на вид девчонку, мимо которой на улице он прошел бы, даже не взглянув на нее. Не по причине преклонного возраста, конечно – просто генерал был вечно погружен в мысли о работе, и на девушек обычно не отвлекался. Николай Антонович поманил к себе пальцем Семенова:

– Ты, сержант, полегче там. Не сломай ей что-нибудь.

– Есть! – улыбнулся сержант, попытавшись щелкнуть несуществующими каблуками спортивных туфель.

Примерно то же самое говорил в другом углу Наталье майор, сидевший на втором, и последнем стуле в аудитории.

– Покажи все, Наташа, на что способна. Только не сломай парня, он-то ни в чем не виноват.

Он сидел внешне спокойно, но внутри у него все дрожало – что случилось с ним очень редко. Ведь сейчас его лучшую ученицу ждал первый настоящий экзамен. В комнату вошел со стулом в руках командир учебной роты, в которой служили, точнее, дослуживали сержанты Емельянов и Семенов. Комроты оставил стул у третьей – нейтральной стены комнаты, и пошел на середину зала. Он был назначен генералом арбитром этого поединка. Еще у стены стояло полтора десятка курсантов – отделение старшего сержанта Емельянова.

Капитан наконец дождался разрешающего кивка генерала и громко хлопнул в ладоши. Семенов пошел вдоль строя однокашников, чуть картинно играя мускулами. Он был в спортивных трико и майке; накачанный и быстрый. Сержант повернулся к Наталье, и поднял руку, чтобы позвать ее пальцем. Никакой славы, как считал Семенов, эта схватка принести не могла, и потому закончить ее надо было побыстрее.

Однако в том углу, куда протянулась его рука, сидел, улыбаясь, только пожилой инструктор. И точно также улыбалась ему Наталья; только совсем из другого места. Сержант не стал командиром отделения только потому, что соображал немного потуже, чем Емельянов. Вот и теперь не насторожился. Через пару секунд он был рядом с Крупиной и тоже улыбался, протягивая вперед руку:

– Полный контакт?

Наталья кивнула и вложила ладошку в широкую и твердую ладонь Семенова. Она мгновенно пробежала пальцами по этой ладони, оценив мозоли – не грубые, скороспелые, а эластичные, рожденные многолетними тренировками. Ребро ладони было жестким, но тоже живым, не механическим наростом на костях запястья. И эта могучая ладонь утопила в себе Наташкину, сжала ее осторожно, но крепко. А потом рванула к себе и ладошку, и всю Крупину заодно. Так – на первой минуте – он хотел закончить поединок, облапив девчонку медвежьими объ-

тьями. Крупина не захотела, или не смогла – как успел подумать сержант – сопротивляться. Она послушно дернулась к нему, только вот не ткнулась в широкую грудь, а ухитрилась чуть-чуть изменить направление рывка, прошмыгнуть меж могучим торсом Семенова, обтянутым майкой и согнутым локтем парня – как бы ни было мало расстояние между ними. Ладонь курсанта, а за ней и вся рука последовала за Натальей, неестественно выворачиваясь.

И только остановившись за его спиной, Крупина отпустила эту ладонь; резко и коротко, но болезненно заломав ее, скорее обозначив прием. Семенов, как уже отмечалось, особым умом не отличался, но сейчас и он понял, что эта боль, коротко стрельнувшая в запястье, могла быть сейчас сильнее, нестерпимее. А пока он это соображал, маленький крепкий кулачок так же обозначающе ткнул в затылок сержанта, заставив того лязгнуть зубами. Почти одновременно жесткое ребро ладони девушки так же ощутимо обозначило красную полосу на шее курсанта, заставив его голову дернуться в обратном направлении. Наталья опять сжала пальцы в кулак и, не дожидаясь, пока голова Семенова займет вертикальное положение, обозначила еще два удара в почки. Теперь уже вполне ощутимо и болезненно, хотя и безвредно.

А потом пришла пора поработать в плане обозначения Наташиным ногам. Маленькая стопа в мягкой туфле несильно, но обидно пнула сержанта в ягодицу. Бедный сержант дернулся этой частью своего тела вперед, только чтобы не получить еще раз туда же. Вот теперь Крупина не обозначила, а резко и сильно ударила – все той же стопой – по ногам, в области коленей. Сержант грохнулся бы со стуком о деревянный пол стриженным затылком, если бы его не подхватили маленькие, но такие цепкие руки. Впрочем, эти руки все-таки опустили тяжелое тело на пол, а потом сцепились в замок и обрушились на лицо Семенова. Во всяком случае, так подумал он сам, закрывая глаза и съеживаясь в ожидании сокрушительного удара. Впервые в жизни он остро ощутил как медленно, тягуче движется время. В ушах громадными молотками стучал пульс, и парень уже представил, как крепкий замок сцепленных ладоней падает на его нос, заставляя его кроваво размазываться по лицу. И только когда он несмело открыл глаза, Наталья улыбнулась и ударила – по полу, рядом с головой. И сержант вдруг почувствовал – не понял, а почувствовал – что не только направление удара, но и его силу эта девчонка тоже обозначила. Что опусти она свой замок по-настоящему, в полную силу, пришлось бы кому-то здесь не только красить пол, но и менять проломленную доску.

Поддайся сержант инстинкту, он так и остался бы лежать на полу, пока противник не отойдет подальше. Однако с той стороны, где стояли его однокашники, раздался ехидный смешок. Никто из курсантов не успел понять, что их товарищ уже несколько раз должен был проиграть, остаться лежать тут в нокауте, а может, и что похуже. Его падение было воспринято как досадный промах, и смешок повторился, уже поддержанный многими. Поддержанный несмело, потому что рядом сидел с поскучевшим лицом генерал-майор. Уж он-то понял, что сегодняшнее пари проиграл. Ротный тоже оценил мастерство Крупиной, но сидел с невозмутимым лицом, ожидая команды начальника. И только тренер оценил все в полной мере. Оценил, но не одобрил. Потому что победа и ему, и главное – самой Наталье – нужна была зрелищной, не вызывавшей никаких сомнений. И Наташа словно поняла его. Она отступила в сторону ротного командира, сжавшего рукой спинку стула.

Сержант вскочил на ноги ловко, по-киношному – одним броском с прогибом. Он бросился на Крупину под одобрительный ропот товарищей. Только Басмач сейчас молчал; пожалуй, он все-таки болел за Наталью. А она, если бы захотела, остановила бы этот живой таран встречным ударом, броском на месте, другими приемами, отточенными в многочисленных спаррингах.

– Но зачем? – задала она себе вопрос, успев пожать плечами и отступив в сторону.

Ровно на столько, чтобы Семенов, бешено размахивающий конечностями, даже случайно не задел ее. Ее руки и ноги тем временем словно работали сами – точно и уверенно. Они придали пролетающему мимо телу строго горизонтальное положение и еще большую ско-

рость. Сержант все-таки успел сообразить, что размахивать руками бесполезно и обхватил ими голову, которая летела прямо в крашеную кирпичную стену. Но Наталья знала, куда направить эту живую торпеду. Семенов с грохотом врезался в стул, заставив капитана отпрыгнуть в сторону со спинкой в руках.

Сержант сел, потерянно тряс головой. И снова кто-то невидимый внутри него предательски зашептал:

– Брось, сдавайся!

Он опять тряхнул головой – теперь уже упрямо – и встал, сжимая в каждой руке по ножке от стула. В умелых руках это было страшным оружием. Это, конечно, были не нунчаки, которыми Семенов владел виртуозно, но и они удлиннили руки сержанта на целых полметра. Он теперь подступал к девушке осторожно; палки в его руках не останавливались, сплетая сложную вязь, которую, казалось, пробить голыми руками невозможно.

Генерал бросил взгляд на тренера. Майор сидел совершенно невозмутимо и, кажется, даже немного улыбался. Крупина тем временем кружила по залу и отступала от деревянного оружия, которое все резче, уже со свистом рассекало воздух. Наконец она решила, что зрители достаточно завелись, и остановилась. А сержант не смог бы остановиться, даже если бы захотел. В зале дважды громко треснуло – после того, как ножки поочередно обрушились на девичьи руки. Отделение испуганно замолчало. Даже Емельянов поверил, что это хрустели человеческие кости.

Но уже через секунду на пол шлепнулись обломки ножек, укоротившихся больше, чем наполовину. А руки Крупиной вытянули у сержанта их остатки. Семенов практически не сопротивлялся. Эти обломки тоже громко упали на деревянный пол, а крепкий кулачок внешне не сильно ткнулся в промокшую от пота майку Семенова. Тот отскочил назад на несколько шагов, зашипев от боли, а Наталья была уже рядом. И еще один удар потряс его, и снова сержант отскочил. Еще пару таких ударов, и он бы впечатался спиной в стену; если бы не упал раньше.

В тишине громко проскрипел стул под генерал-майором. Он встал и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. А потом скомандовал:

– Довольно.

Через неделю начальник подписал приказ о зачислении курсантов на первый курс. Примерно посреди длинного списка, согласно алфавита, своим женским окончанием бросалась в глаза фамилия: «Крупина Наталья Юрьевна».

Глава 3. Август 1998 года. Подмосковье Охотники. Последний в жизни спектакль

В большой гостиной богатого подмосковного особняка горел камин. Негромко потрескивали сухие березовые дрова. Двое мужчин сидели, развалившись в креслах. Они протянули ноги к огню – слишком близко, учитывая, что обувь на ногах была дорогой, модельной. Да и весь облик собеседников говорил о богатстве, сытости, уверенности. Однако опытный взгляд смог бы определить, что небрежность, с которой эти люди носили свою шикарную одежду; часы, стоящие целое состояние, которые один из мужчин крутил на пальце, не глядя на них – так вот: эта небрежность была не приобретенной длинной вереницей предков, или хотя бы вдолбленной с детских лет. Хозяин и его гость так же естественно чувствовали бы себя, сидя на корточках у таежного костра, в казенной телогрейке. Тем более, что такой опыт они имели, и весьма богатый.

Однако к хорошему люди привыкают быстро. Возвращаться к старой эковской жизни не собирался ни хозяин – Николай Иванович Крючкин по кличке Крюк, ни его гость – Федор Михайлович Некрасов; он же Топор. Кличку Топор получил в те давние времена, когда они давались раз и навсегда. Некрасов свой первый срок получил после того, как погонял с топором в руках по улицам родного городка прохожих. В пьяном виде, конечно. Задеть он никого не задел, однако среди пешеходов, которые бросились от него врассыпную, оказались городской прокурор с супругой. Федор Михайлович – тогда просто Федька – отмотал по полной, пять лет. В колонии, где стал Топором и познакомился с Крюком.

Крюк уже тогда был вором в законе. Крепкого парня он приметил и взял под свое крыло. Так, вместе, они и шагали по жизни. Сначала воровской, а потом, с приходом в Россию капитализма, по той, что была скрыта от взглядов простых людей за воротами многоэтажных особняков и дверцами шестисотых «Мерседесов». Так что Топор был не обычным гостем – он был правой рукой хозяина, той, что отвечала за силовые операции. Именно поэтому Крюк вызвал его на этот ночной разговор.

Крюк уже успел навешать на уши гостю гору лапши о тех козлах, что не заслужили в этой жизни теплого места под солнцем – о новых русских, не пролежавших на нарах даже одной минуты. О тех, кого и газеты, и народ в последнее время называл олигархами. Топор слушал внимательно. Он знал, что из подобной лапши Крюк в конце концов сварит густой наваристый суп.

– Вот один из них, – наконец перешел к делу хозяин, протягивая фотографию.

Человек на фотографии был совершенно обычной наружности. И Топору он был смутно знаком. Скорее всего, он видел этого мужика на телеэкране, но мельком – на втором, или даже третьем плане.

– Николай Яковлевич Куделин, – пояснил Крючкин, – делает бешеные бабки на оружии. Есть информация, что он задумал что-то грандиозное. У него есть товар. Такой товар, что покупателей во всем мире найдется трое или четверо, не больше.

– Какой? – позволил себе перебить хозяина Топор.

– Еще не знаю. Зато узнал, кто нашел покупателей и договаривается с ними.

Крюк протянул еще одну фотографию. Этого человека Топор видел часто – тоже на телеэкране. Он и на фотографии был изображен с бывшим премьером Правительства России. Иван Николаевич Стасов попал в кабинет министров страны еще в восемьдесят первом году и с тех пор из него не выходил. Он менял должности и министров, заместителем которых был – его словно передавали по эстафете. И каждый раз новая должность была связана с экспортом оружия. В коридорах власти Стасова давно называли «непотопляемым». Однако лишь единицы

знали, кто своим могучим плечом подпирает его, придает ему плавучесть. Это имя Крюк сейчас и озвучил – Николай Яковлевич Куделин.

– Покупателей пока трое – арабский султан, ассоциация японских банков и какая-то темная лошадка из Соединенных Штатов. На днях будет торг. Где и когда, неизвестно.

Топор недоверчиво покачал головой. А Крюк продолжил:

– Информация точная, – правильно понял жест помощника Крючкин, – случайная, но точная. А он, – жесткий палец ткнулся в физиономию «непотопляемого» на фотографии, – знает о месте и времени. А может и о том, что хочет толкнуть за бугор Корелин. У него мы и узнаем. Ты узнаешь.

– Я? – удивился Некрасов, – да меня к Белому дому и близко не подпустят.

– Меня тоже, – засмеялся Крюк, – да нам туда и не надо. Послезавтра этот хмырь будет подписывать какой-то договор в Коврове.

– Это где мотоциклы делают? – уточнил Топопр.

– Там, – кивнул Крючкин, – там ты его и возьмешь. Только надо все это обмозговать. Мы тут никак не должны быть замешаны. А его хозяин, – Крюк опять пощелкал пальцем по фотографии, – должен быть уверен, что его не выпотрошили. Да – после того, как выпотрошишь этого непотопляемого, ты его выпустишь. С чистой мордой. Самый лучший Склифосовский в Москве не должен догадаться, что его кололи.

– Как же его колоть-то? – огорчился Топор.

– Давай думать...

Раздумья были долгими. Наконец Топор встрепенулся; он взял фотографию Стасова в руки, поднес ее поближе к глазам, и негромко засмеялся:

– Знаешь, на кого он похож?

– На кого? – заинтересованно повернулся к нему Крючкин.

– Карандаш есть? – ответил вопросом на вопрос Топор.

Вместо ответа Крючкин подал ему на стол папку. Под кожаной крышкой в ней были сложены толстой стопкой чистые листы бумаги; в специальных гнездах – как патроны в газырях горцев – торчали авторучки, карандаши и фломастеры. Топор выбрал темно-серый фломастер и стал пририсовывать заместителю министра шевелюру. «Непотопляемый», в жизни успевший обзавестись обширной лысиной, сейчас с помощью Топора стал обладателем шикарной прически.

– Узнаешь? – наконец закончил Некрасов.

Крюк всмотрелся, помедлил, но все-таки покачал головой.

– Велосипедика помнишь?

Крюк вспомнил, и поразился удивительному сходству двух людей, стоящих на разных краях социальной лестницы – заместителя российского министра и некогда скандально известного гомосексуалиста. Велосипедик был волосат; по крайней мере, на голове. Потому он когда-то и превратился из волосатого педика в Велосипедика.

Крюк с Топором переглянулись и расхохотались в полный голос. А кто им мог запретить сделать это, хотя на часах шел уже третий час ночи? Ближайший сосед находился в трехстах метрах от этого особняка, и тоже никогда не ложился спать рано.

Одна часть операции уже прорисовывалась. Другая тоже только что родилась в изощренном мозгу Крюка.

Хозяин остался у камина – подгонять друг к другу детали плана. А Топор поспешил на улицу – в промозглую тьму, где его ждал теплый уютный салон «Мерседеса» с водителем и двумя бойцами. Автомобиль мягко тронулся с места и помчался к Москве, где в баре «Голубая мечта» проводил (или проводила) все свободные вечера Велосипедик.

Он и сейчас был у барной стойки. Накрашенный, нарумяненный, с длинными поредевшими волосами, уложенными по последней моде – но один. Толстый слой румян, яркая губ-

ная помада и накладные ресницы плохо скрывали его возраст. Желающих порезвиться с такой «красоткой» этим вечером в баре не наблюдалось. Потому он и обрадовался Некрасову, как родному. Топор знал Велосипедика, этого стареющего представителя древнейшей профессии нетрадиционной ориентации, очень много лет. Не как клиент – как бывший покровитель. Раньше, когда «Голубая мечта» была просто «Мечтой», обычной общепитовской кафешкой, Велосипедик жил и промышлял в другом районе. Там, где все держал Крюк; через Топора, конечно.

Велосипедик действительно обрадовался Топору. Наверное, он уже не первый вечер сидел вот так, в одиночестве. Но Некрасов любезностями обмениваться не стал. Тем более – ударяться в воспоминания. Потому что время поджимало. За ночь ему надо было сделать очень многое.

– Дело есть на тыщу баксов, – сразу взял он быка, то есть Велосипедика, за рога.

Тот поперхнулся коктейлем. Глаза старого гомосексуалиста повеселели. Он знал, что Топор словами и обещаниями не разбрасывается. Велосипедик стряхнул с лица выражение томности. Сейчас он – сотри с лица слои «штукатурки» – был бы похож на обычного мужика средних лет, потрепанного жизнью.

– Срочно нужно кино. Из вашей жизни – минут на десять-пятнадцать.

– Артистов много? – деловито поинтересовался Велосипедик.

– Ты и пара ребят – покрепче и пострашнее.

– Есть такие, – улыбнулся волосатый постоялец «Голубой мечты».

Он встал, поискал кого-то глазами, и радостно закричал:

– Женечка, Николаша! Идите сюда, дело есть.

к столику подошли два качка. Здоровенные, нахальные; с голодным блеском в глазах.

Топор достал пухлый бумажник и вынул из него десять стодолларовых бумажек. Две стопки по пятьсот долларов легли на стойку. Глаза Женечки и Николаши блеснули еще жаднее, но сами они не двинулись с места. Каким бы маленьким не был их жизненный опыт, он подсказывал им, что эти деньги надо еще заработать.

Некрасов быстро объяснил парням, какая работа их ждет. Женечка согласился сразу. Николаша сначала посмотрел на Велосипедика, чуть заметно поморщился и тоже кивнул.

У Крюка был человек – мастер на все руки, а главное – надежный. К нему и повез Топор актеров одной роли. Человек жил в просторной квартире на шестом этаже дома, занимавшего полквартиры. В большую, почти пустую комнату, Топор пустил только хозяина квартиры и Велосипедика. Пожилой гомик был усажен на стул, а человек стал внимательно изучать фотографию «непотопляемого». Наконец он молча кивнул, вернул фотографию Топору и вышел из комнаты.

– Сейчас тебя постригут и переоденут.

– Постригут?! – ужаснулся Велосипедик.

– Надо, Леша, – вспомнил его имя Топор.

Леша поник плечами. Он был уже не рад неожиданному приработку, однако перечить Топору не посмел. Человек вернулся очень быстро. В руках он держал одежду и комплект парикмахерских принадлежностей. Уже через двадцать минут Некрасов одобрительно кивнул – перед ним сидел не Велосипедик, а чисто вымытый, одетый в привычную тройку заместитель министра, который осторожно поглаживал свежобретенную лысину.

Человек не дал ему полюбоваться в зеркало; он вышел по кивку Топора, за видеокамерой. Следом вышел и сам Некрасов, подхвативший все лишнее. В комнате остался только лысый «актер», тоскливо ожидавший своего выхода на сцену. А Женечка с Николашей ожидали того же в соседней комнате. Ждали с довольными физиономиями – они получили по полтысячи баксов только за то, что прокатились на «Мерседесе» по улицам ночной Москвы. Топор успел достать еще раз пухлый бумажник, и помахать перед парнями его содержимым.

– После съемок, мужики, еще по тыще. Только надо постараться. Значит так, – начал он тоном бывалого кинорежиссера, – нужна сцена грубого насилия. Чем грубее, тем лучше. Только без мордобоя. Морда у актера должна быть чистой; она еще пригодится.

– Понятно, – дружно закивали Женечка с Николашей.

– Тогда начали, – Топор подтолкнул их в спину – в комнату, в которую они не решались войти.

Велосипедик имел уже достаточно испуганный вид. Когда же Женечка смахнул его могучей рукой со стула на пол, он скорчил лицо так выразительно, что стоящий в коридоре Топор понял – через мгновение он заплачет. Однако накачанные «артисты» не дали Леше сосредоточиться на своем бедственном положении. Один из них стал грубо – с вырыванием пуговиц – стаскивать брюки с Лже"непотопляемого». Другой расстегивал свои. Скорчившаяся на полу жалкая фигура вряд ли смогла бы возбудить обычных парней. Однако Женечка с Николашей обычными не были, иначе зачем бы они отирались в «Голубой мечте»?

Топор поморщился, когда они достали свои «реквизиты» – уже готовые к съемкам – но не отвернулся. А человек с видеокамерой оставался невозмутимым. Топор предположил, что он видел и более душераздирающие картины. Он сновал с камерой по комнате, перебегая от головы Велосипедика, где пристроился Женечка, к задней его части, где с энтузиазмом трудился Николаша.

Велосипедик, или Леша, начал шумно дышать. Извращенное естество победило испуг; теперь он получал наслаждение.

Некрасов в один момент понял, что отснятого материала уже больше, чем достаточно, но не остановил съемки – пусть Велосипедик получит кайф. В последний раз в своей никчемной жизни. Наконец все трое кончили – почти одновременно. Закончили бурно, с рычанием и всхлипами. Некрасов вошел в комнату с аплодисментами.

– То что надо! – воскликнул он, оттопыривая большой палец правой руки, – все заслужили премиальные.

– Премиальные! – взревели Женечка с Николашей, перестав поправлять одежду.

– Сейчас принесу ведомость, – окончательно сразил их Топор, и вышел вместе с человеком их комнаты.

«Ведомость» у него была весьма своеобразная; она состояла из двух частей – пистолета и длинного глушителя к нему. Он докрутил глушитель, дослал патрон в патронник и опять шагнул на «съемочную площадку». Женечка и Николаша успели испугаться, поняв, какие свинцовые премиальные приготовил для них наниматель. Сухо треснули четыре выстрела. Парни упали рядом с Велосипедиком, который только теперь открыл глаза. Он, наверное, так и не понял последних слов Некрасова:

– Прости, Леша, но таковы правила игры.

Для старого знакомого Топор не пожалел трех патронов. Два бойца и человек в другой комнате, конечно, слышали совсем негромкие хлопки выстрелов. Но никто из них не посмел даже заглянуть сюда без разрешения. Некрасов позвал их, убедившись, что никто из «актеров» не дышит. Теперь пришел черед потрудиться бойцам. Они привычно упаковали трупы в длинные черные пакеты. Казалось, вынести незаметно эти зловещие кули с шестого этажа жилого дома было совершенно невозможно. Однако технология тайного спуска криминального груза была проста и давно отработана группой Топора.

Окна комнаты, где лежали три готовых к транспортировке трупа, выходили на заброшенный пустырь. По проекту здесь давно должен был разбит сквер с тенистыми деревьями, чистыми дорожками и крашеными лавочками. Пока же густая растительность росла тут сама, без всякого плана; и особенно густо – как раз под нужным окном. Хозяин квартиры уже спускался на лифте в подземный гараж, где его всегда ждал микроавтобус с мощным фордовским двигателем. Топор с бойцами вышли позже – ровно на столько, чтобы успеть сбросить мешки

со страшным содержимым в них, в густые кусты, да еще пошутить насчет сохранности груза. Так что к кустам они добрались одновременно – тройка Топора, обогнувшая дом с одной стороны, и негромко фырчащий «Форд» с другой.

Пустырь был излюбленным местом игр и прогулок местной молодежи разных возрастов, но только до наступления темноты. А немногие подозрительные личности, что рисковали появляться тут ночью, вряд ли стали заявлять куда следует – даже если бы увидели, как бойцы сноровисто грузят мешки. «Форд» взревел теперь громче, и повез Топора и его свиту – живую и мертвую – на последний этап операции. Какой-то особо циничный шутник из своих как-то назвал этот этап приготовлением бутерброда, и название прижилось. Группы Некрасов с подручными прятали на кладбище – там, где прикормленный сторож всегда держал наготове пару свежерытых могил.

Работа была грязной, но хорошо оплачивалась. Бойцы, которым сейчас предстояло повозиться в земле, весело переговаривались. Те две пачки по полтысячи баксов, которым так радовались Женечка с Николашей, уже грелись в их карманах. Парни беспрекословно спрыгнули в могилу, куда светил Топор, и вырыли в ней вторую, куда с трудом поместилось три куля. Потом дно прямоугольной ямы, которой предстояло уже завтра принять законного «постояльца», тщательно выровняли, утрамбовали, и Топор придиричиво принял работу. Таких «бутербродов» на этом кладбище было немало; абсолютное большинство из них «приготовил» как раз Некрасов.

«Форд» вернулся к многоэтажке, где подручных Крюка ждал «Мерседес» с водителем. Топор с бойцами заняли привычные удобные кресла, и оба автомобиля помчались через ночную Москву, и дальше – к загородному особняку Николая Ивановича Крючкина...

Хозяин встретил Топора с хитрой довольной улыбкой. Он явно не сидел сложа руки. Однако сначала внимательно выслушал подручного и пару раз просмотрел видеокассету. Крюк довольно кивал, даже хохотнул немного, явно представив себе, как этот «фильм» будет смотреть настоящий заместитель министра. А потом раскрыл Топору все подробности предстоящей операции.

Топор слушал так же внимательно. Он захохотал, когда хозяин наконец закончил.

– Здорово придумал, – воскликнул он, – может получиться!

– Должно получиться! – с нажимом ответил Крюк, – тем более, что главным актером теперь будешь ты.

– Светиться?! – испугался Топор, – меня же через пятнадцать минут вычислят, а еще через пять выйдут на тебя.

– Не вычислят, – успокоил его хозяин, – возьмешь с собой Валеру (так звали человека, мастера на все руки) – он тебя так разрисует, сам себя в зеркале не узнаешь.

Топор смирился; он знал, что возражать бесполезно. А еще понимал, что Крюк затеял такую игру, что вмешивать в нее посторонних... Да и не было среди бойцов Топора таких актеров, что смогли бы сыграть роль так, как нужно. А в себе Топор почему-то не сомневался. Он был уже на кураже и, зная себя, как никто другой, понимал – теперь его никто и ничто не остановит. Разве что тот же Крюк.

– Держи, – протянул ему Крючкин бумажный листок, – этот человек в Коврове сдает надежную квартиру. Ребят ему не показывай, а тебя пусть Валера заранее немного подмажет. Бумагу доставали не для меня, так что там не должно остаться ни одного следа.

Крюк вышел в другую комнату; вернулся через минуту с большим чемоданом старого, еще советского образца, который в этой роскошной зале смотрелся очень неуместно.

– Смотри, – подозвал хозяин Топора к столу, на который водрузил чемодан, – это тебе, сюрприз.

Под жесткой, обтянутой дерматином крышкой лежало оружие. Некрасов никогда не видел таких автоматов – коротких, со стволами прямоугольного сечения. Но сейчас он сразу

почувствовал, какую невероятную мощь они таят в себе. Топор был равнодушен к таким «железкам», и Крюк знал это.

– Бери, бери, – засмеялся он.

Топор взял в руки один из четырех стволов, ловко пристегнул рожок. Теперь, когда автомат был готов к стрельбе, он сидел в руке, как влитой.

– Удобна штука, – с улыбкой заметил Крюк, – пистолет-пулемет «Бизон». Возьмете с собой на всякий случай.

Некрасов защелкнул никелированные замки чемодана, так и не выпустив из рук оружия. Хозяин проводил его на крыльцо.

– Поедете вчетвером, – приказал он, – водилу с «Мерсом» оставишь здесь, прямо сейчас.

Рядом с микроавтобусом любовался новыми автомобильными номерами Валера. Родные, московские, он держал в руках. На чистых же, незапятнанных пока дорожной грязью номерах выделялись две тройки – серия Владимирского региона, где и находился славный город Ковров. Славен он был прежде всего тем – как подумал Топор – что был первой ступенькой на путь к сказочному богатству... или смерти.

«Форд», негромко рыкнув, резво помчался в ночь, держа путь на кольцевую автодорогу и дальше, на Горьковское шоссе. На крыльце остался один Крючкин, не замечавший холодной ночи. Старый вор не знал – радоваться ему столь успешному началу операции, или страшиться ее непредсказуемого финала.

Глава 4. Август 1998 года. Нахабино. Подземный бункер Дичь. Заместитель министра Стасов

Заместитель министра промышленности Иван Николаевич Стасов по кличке «Непотопляемый» не хотел ехать в Ковров. Нет, с этим городом его не связывали никакие неприятные воспоминания. Он вообще ни разу не был в Коврове, хотя продукцию его оборонных предприятий знал хорошо. Так хорошо, что это позволяло его внукам учиться в престижной частной школе. Да не в России, а в Англии. Школа предоставляла полный пансион, но на уик-энды внук и внучка Стасова отдыхали в старинном особняке – в том же городе. Этим особняком собственность «Непотопляемого» за пределами родины не ограничивалась. Российское оружие всегда ценилось за свою надежность и относительную дешевизну.

Впрочем, покупатели обычно платили больше, чем было указано в договорах. Разница шла в бездонные карманы тех, кто это оружие даже ни разу не видел – только торговал им. Посредники в этом бизнесе во всем мире имели неплохие проценты, но мало кому из них даже снились те суммы, которые оседали в карманах Стасова. В то же время сам Иван Николаевич мог только завидовать доле Николая Яковлевича Куделина – Хозяина. Так Куделин Стасов называл про себя; вслух же только по имени-отчеству. Клички же, или прозвища, у Хозяина не было. Может потому, что о самом существовании этого человека мало кто знал.

Еще на первые свои проценты в оружейном бизнесе Куделин купил по дешевке ставший ненужным бывшей Советской Армии запасной военный пункт Московского военного округа. Совсем скоро на окраине подмосковного Нахабина выросла нарядная двухэтажная дачка; очень скромная по сравнению с маршальскими и генеральскими, которые облюбовали себе этот уголок Подмосковья. Она и скрыла под собой мощное подземное сооружение.

Тех денег, что отвалил за командный пункт Николай Яковлевич, не хватило бы даже на покупку цемента, что ушел на его строительство. Однако продавцы были безумно рады – большая часть оплаты, как водится, была произведена наличными, без всякого упоминания в документах. Краснощекий, бодрый еще генерал нахваливал товар, словно продавец на рынке. Он захлебывался от восторга и собственного красноречия, показывая центр подземной цитадели.

– Здесь, – говорил он, обводя все вокруг руками, – вас вряд ли достанет даже прямым попаданием атомной бомбы. Так что считайте себя в большей безопасности, чем у Христа за пазухой.

Куделин одобряюще кивал. Он уже видел эти бетонные стены облицованными благородным итальянским мрамором; видел новую обстановку кругом, и даже ощущал под ногами вместо коричневого потрескавшегося линолеума теплый густой ковер.

В этом зале и сидели сейчас Куделин со Стасовым.

– Ты это брось, – добродушно нахмурил брови Хозяин, – поезжай обязательно. Раз пропустишь, другой. А потом что – по миру идти?

Стасов несмело улыбнулся. Он не мог даже представить себе такого катаклизма, который пустил бы по миру его собеседника. В его представлении это Хозяин скорее был способен пустить тот самый мир... с протянутой ладошкой. Только через его «непотопляемые» руки в карман Куделина перетекло столько валюты, что цифра эта была сопоставима с бюджетом страны. К тому же, как небезосновательно предполагал Стасов, оружейный бизнес был не единственным источником доходов хозяина бункера.

Иван Николаевич попытался слабо возразить:

– Но я уже договорился о замене с премьер-министром, с исполняющим обязанности. По состоянию здоровья, так сказать.

– А ты перезвони, батенька – вон и телефончик есть, – теперь уже недовольно посоветовал хозяин, – у нас с этими филиппинцами скоро неплохой романчик может завестись, миллионов на пятьсот-шестьсот. Так что не ленись, прокатись в этот Ковров.

Голос Куделина стал непреклонным, и словно в ответ на звякнувший в этом голосе металл, за его спиной зашевелился телохранитель. Горелый – так называл свою безмолвную тень Хозяин – всегда находился за его спиной. Однажды Стасову пришла в голову крамольная мысль – как Горелый пристраивается на своем обычном месте за правым плечом Хозяина, когда том садится на унитаз. Тогда он постарался сразу же прогнать эту мысль, забыть о ней. Но одного он не смог забыть и, наверное, не забудет до конца своих дней – истинного обличья Горелого.

Обычно телохранитель, человек среднего роста, который казался Геркулесом только что разве рядом с Куделиным – маленьким, кругленьким во всех местах, где только это возможно – сохранял абсолютное спокойствие на лице. Его неизменную бледность подчеркивали черные костюм, перчатки и очки на лице. Единственный раз на памяти Стасова – еще в самом начале их с Куделиным совместной работы – Горелый покинул свое обычное место.

Тогда напротив Хозяина стоял, насмехаясь, известный уголовный авторитет. В чем-то его путь пересекся с дорожкой Куделина, и старый вор не захотел уступать. Огромный, самоуверенный, он уже высказал свои претензии и теперь ждал ответа. Куделин ответил – совсем не так, как ожидал авторитет. Хозяин махнул пухлой ручкой и в дело вступил Горелый. Вор в законе, наверное, так и не успел понять, как телохранитель оказался рядом. Горелый взмахнул рукой... В следующее мгновение огромное тело упало на густой ковер, чтобы уже никогда не подняться. Даже неопытный в таких делах Стасов понял это, увидев, как неестественно вывернута набок мощная шея лежащего на ковре человека.

Куделин отнесся к этому совершенно спокойно. Так же спокойно он сказал Ивану Николаевичу:

– Так будет со всяким, кто мешает мне. Когда-нибудь тебе, Николай Яковлевич, покажется, что твой процент слишком маленький, и ты попытаешься обмануть меня. Тогда к тебе придет Горелый.

Он кивнул телохранителю, и тот снял очки. Стасов содрогнулся – глаза под ними были страшными, пустыми, обрамленными давним плохо зарубцевавшимся шрамом. Ресниц и бровей у Горелого не было. Стасов с трудом оторвал взгляд от этих глаз на руки телохранителя, который как раз неторопливо стягивал перчатки. На руках тоже не было ни клочка живой неповрежденной кожи. Давний ожог зарубцевался очевидно без всякого медицинского вмешательства. И этой рукой Горелый провел по своему гладкому незагорелому лицу, стирая с него косметический крем. Сожженное когда-то лицо Горелого было жутким само по себе. Однако с полосами крема оно едва не заставило Ивана Николаевича потерять сознание, когда телохранитель вдруг улыбнулся ему...

Совсем недавно Николай Иванович смотрел дома видеофильм. Смотрел с внуками, и малыши испуганно жались к деду с двух сторон всякий раз, когда на большом цветном экране появлялось лицо Фредди Крюгера. А дед, прижимая к себе их худенькие тельца, внутренне усмехался, лениво разглядывая маску киношного монстра. Но сейчас Горелый стоял рядом; он был живым, до него можно было дотронуться рукой.

По новому кивку Хозяина телохранитель легко подхватил огромное тело и вынес его из зала. А когда вернулся – опять с гладким лицом, в перчатках, очках и парике – Стасов дал себе зарок никогда не обманывать Куделина; ни в чем ему не перечить.

Поэтому сейчас Иван Николаевич только глянул на Горелого и поспешил к телефону. Он не удивился, что на аппарате нет ни наборного диска, ни кнопок. Он только поднял удобную трубку, и в ней тут же послышался голос исполняющего обязанности главы правительства.

Сановный собеседник ничуть не удивился, когда Иван Николаевич бодро доложил, что вполне здоров и готов завтра же выехать в Ковров.

Рано утром два новеньких «Вольво» с правительственными номерами понеслись по Горьковскому шоссе, по которому четырьмя часами раньше проехал белый «Форд» с новенькими владимирскими номерами.

Глава 5. Август 1998 года. Ковров. Проходные завода имени Дегтярева Охота на дичь

По московским меркам коттедж был маленьким и неудобным. Впрочем, как и весь городишко. В комнатах стояла только самая необходимая мебель. Покрывавшую все пыль никто перед их приездом не удосужился вытереть. Хозяин коттеджа, оставивший ключи в условленном месте, должен был появиться тут только через неделю.

Однако большой холодильник «Стинол» был полон. Его содержимое вполне позволяло четверем не самым мелким мужчинам протянуть дня четыре. Но Топор столько времени в Коврове задерживаться не собирался. Договор, который сегодня должны были заключить Иван Николаевич Стасов с представителями министерства обороны Филиппин, широко не афишировался. Однако Топор знал и о дате проведения переговоров; и о времени – четырнадцать часов по Москве; и о месте. Самый крупный завод города – оружейный, имени Дегтярева – принимал сегодня высоких гостей. Еще Некрасов знал, что ровно в пятнадцать ноль-ноль по московскому времени у центральных проходных завода московский и филиппинский гости должны дать короткие интервью. Корреспондентов пригласили проверенных, таких, что задают только нужные вопросы. Скорее всего, один из них и слил информацию Крючкину.

Впрочем, последнее Топора не интересовало. За долгие годы работы с Крюком он привык, что тот любую информацию трижды проверяет и перепроверяет. Поэтому он сейчас на сто процентов был уверен, что ровно в три часа дня в намеченном месте состоится брифинг. А задачей Топора было сделать так, чтобы это мероприятие, названное по новомодному, завершилось по сценарию Крюка.

Около девяти часов Некрасов отправился в разведку. Он так и сказал: «В разведку», – оставляя в коттедже двух бойцов. Валера, доверенный человек Крючкина, уехал еще раньше. Ему сегодня предстояло поработать не меньше самого Топора, а уж знать улицы и переулки Коврова к трем часам он должен был знать лучше коренных ковровчан.

Совсем рядом с бывшим пустырем, где выстроились, и продолжали строиться коттеджи, было троллейбусная остановка. Людей там, как и предполагал Топор, было совсем немного. Две бабушки охотно подсказали ему, как доехать до завода. Точнее подтвердили то, что Топор и сам уже знал – все эти подробности Крюк раздобыл еще в Москве.

Две остановки он проехал в почти пустом троллейбусе четвертого маршрута. На конечной, где он пересел на «двойку», пассажиров было немногим больше, что было очень кстати. Дело было в том, что Топор в последний момент не выдержал, и взял с собой автомат. Он так удобно и незаметно поместился под плащом, что Некрасов решил рискнуть. Три других «бизона» остались в коттедже. А бойцам он строго настрого запретил появляться с оружием во дворе.

– Значит так, – сказал он, прежде чем вышел из дома, – смотреть за окрестностями, а главное – за оружием. Если что случится, своими руками яйца оторву, а Крюк – все остальное. Понятно?

Бойцы дружно кивнули, и Топор ушел, прижимая к боку согретый под плащом «Бизон». Сейчас он сидел на обтертом сидении троллейбуса, ощущая подмышкой приятную тяжесть оружия и удивляясь дешевизне провинциального транспорта. Потом он еще немного поудивлялся – тому, как просто и без затей ковровские власти когда-то называли городские улицы. Троллейбус катил по Комсомольской улице с остановками на Кирова, поселке Двадцать пятого октября и подобными им. Потом – после остановки на площади Двухсотлетия Коврова Комсомольская плавно перешла в проспект Ленина с остановками: улица Коммунистическая,

площадь Победы, улица Шмидта... Словно этот второй маршрут ковровского троллейбуса по-прежнему пролегал по шестидесятым-семидесятым годам.

Наконец четкий и радостный, явно записанный на пленку женский голос объявил:

– Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – завод имени Дегтярева.

Вместе с Топором вышли почти все пассажиры, но только он повернул к заводу. Остальные поспешили через дорогу, и дальше – в сторону железнодорожного вокзала. Это Топор тоже знал. Он неторопливо направился к проходным, внимательно приглядываясь к рекламным щитам, разделяющим широкую подъездную дорогу надвое. Раньше, как правильно догадался Некрасов, эти щиты украшали портреты передовиков социалистического соревнования. Теперь ни социализма, ни соревнования не осталось.

– Наверное, и передовиков тоже, – он внезапно почувствовал ностальгию по далеким временам, когда он еще не был Топором и рассердился на себя – такому настроению перед операцией было не место.

Но внутри какой-то осадочек остался, и Топор вполне искренне пожелал этому громадному предприятию, чтобы операция никак не сказалась на планах завода. Не только потому, что пожалел снующих мимо с угрюмыми лицами работяг. На их зарплате удачная или – напротив – неудачная сделка вряд ли бы сильно отразилась. Но через дорогу – на стене серого здания – висел огромный плакат с изделием ковровского завода – мотоциклом «Восход». В далекой юности, когда Топор был просто Федькой Некрасовым, у него был такой мотоцикл, самой первой модели. Он вдруг вспомнил запах бензина и машинного масла, которым тогда была пропитана вся его жизнь; вспомнил радость, с которой он вел своего железного коня из магазина. Разве можно было сравнить с теми днями сегодняшнюю жизнь? Сравнить с тем бесконечным счастьем нынешние такие дорогие и такие пресные удовольствия.

– Ну, хватит, – одернул он себя, – дело надо делать.

Впрочем, здесь делать было уже нечего. Больше того – оставаться у завода с автоматом под плащом было просто неразумно. В переулок, ведущий к проходным, завернули сразу четыре милицейских «Жигуленка». Почти сразу за ними на огромной скорости подъехали три иномарки с тонированными стеклами. Топор понял, что это кто-то из участников предстоящей встречи. Кто именно, он не разглядел; не только потому, что машины были затонированы практически начерно, но и по той причине, что уже сидел в троллейбусе, как раз отходящем от остановки. Это была «четверка», которая по другому, дальнему, маршруту привезла его к временному дому.

Один из бойцов – Алекс – явно не ожидал шефа так скоро, иначе встретил бы его энергичным, деятельным. Теперь же он развалился в мягком кресле, напротив входной двери. На полу вокруг кресла валялись пустые скомканные пакеты из-под чипсов и несколько жестяных банок. Алекс резво вскочил на ноги, едва не перевернув кресло, а Топор хмуро оглядел пол. Все банки были красными, из-под «Пепси-колы» и морщины на его лбу немного разгладились.

– Стволы где? – уже почти спокойно спросил он.

– Там, – осклабился боец, показывая пальцем на стальную дверь, ведущую в подвал.

Топор лично осмотрел подвальное помещение утром. Большой прохладный подвал был надежным убежищем. В маленькое вентиляционное отверстие вряд ли пролезла бы даже кошка. Поэтому он кивнул разрешающе:

– Ладно, сиди.

Сам он поднялся на второй этаж. Там, улегшись как был – в одежде и обуви – на заправленную кровать, Топор задремал в ожидании Валеры с Максом, вторым, и последним его бойцом в сегодняшней операции. Топор любил работать с Валерой. Тот не только умел делать все, или почти все; он к тому же был очень аккуратным и не менее пунктуальным. Вот и теперь ровно в двенадцать часов под окном заурчал мощный движок «Форда». Некрасов вскинулся, резко поднялся, прогоняя остатки сонливости.

По лестнице, ведущей с первого этажа, простучали маленькие, почти детские, башмачки Валеры. Он появился в комнате слегка запыхавшимся, но почти невозмутимым. Но Топор хорошо знал этого человека. За этим «почти» скрывалось удовлетворение, даже гордость за безукоризненно выполненную работу.

– Все в порядке? – больше для проформы спросил Топор.

– В порядке! – отрапортовал Валера, – колеса готовы. КАМАЗ-кунг в двух кварталах отсюда; Макс ждет в «девятке» – маршрут прошли два раза.

– Хорошо, – Топор сладко потянулся.

– Теперь краситься.

Некрасов словно потух; сейчас ему предстояло самое, на его взгляд, неприятное. Валера должен был загримировать его и экипировать. А поверх всего надеть длинный плащ. И – самое паскудное – прикрепить к лацкану плаща карточку. Карточка была как карточка – жесткая, закатанная в толстый слой пластика. Топор сам бы посмеялся в другое время, прочитав рядом с физиономией незнакомого мужика фамилию, имя и отчество: «Варфоломей Иванович Хреннарыло».

Он и засмеялся, увидев ее впервые, в доме Крюка. Через минуту он едва не упал с мягкого кресла, когда Крючкин объяснил, что именно эту физиономию нарисует ему Валера перед операцией.

– Да ты что, Крюк! – попытался отказаться Некрасов, – это же запахло, с такой кликухой на экран. Меня же миллионов десять увидят.

– Ну и что? – пожал плечами Крюк, – увидят-то не тебя, а его, – он щелкнул пальцем по карточке.

– Ладно, – проворчал наконец, соглашаясь, Топор, – только ты мне потом найди того муд... ка, который придумал все это. Он у меня точно получит хрен-на-рыло.

– А чего его искать? – хитро улыбнулся Крюк, – я и не прячусь.

Все это Топор вспоминал, сидя на стуле, вокруг которого кружил Валера. Он принес серый чемодан с мазями, кремами, и еще чем-то, чему Некрасов названия не знал, потому что видел впервые в жизни. А Валера поминутно сверялся с фотографией на карточке и творил, высунув от усердия кончик языка. Фотография в дополнение к диковинной фамилии еще сообщала, что сейчас на стуле возникает корреспондент местной газеты «Знамя труда».

Валера трудился долго, почти час. Но когда он поднес к лицу Топора большое зеркало, которое достал из того же чемоданчика, тот не поверил собственным глазам. В зеркало на него глянул самый настоящий Хреннарыло. Живой и естественный. Топор попробовал улыбнуться, потом нахмуриться – физиономия в зеркале послушно гримасничала вслед за ним. Даже с расстояния в тридцать сантиметров Топор не мог различить даже малейшего намека на грим.

Валера отступил, любуясь на дело своих рук.

– Гарантия минимум на шесть часов, – с гордостью заявил он.

– Ну, столько не понадобится, – улыбнулся ему уже Варфоломей Иванович; Топор в его обличье глянул на часы, – ровно час. Давай дальше.

Валера принес другой чемодан. Осторожно, словно в его руках было тончайшее стекло, он извлек из него длинную связку толовых шашек и начал наматывать ее поверх легкого свитера Топора. Взрывчатка легла в два ряда, заключив его торс в плотный панцирь. Однако Некрасов не почувствовал особой тяжести, как впрочем и сильного волнения. Этот смертоносный на вид груз Валера изготовил собственноручно из сухой доски, раскрасив деревянные брусочки так, что ни на вид, ни на ошупь от настоящих шашек их не отличил бы самый опытный сапер. Быстро нацепив такие же декоративные взрыватели, Валера хитро опутал всю систему разноцветными проводами, какими-то кнопками, металлическими стержнями и стяжками.

Опытный глаз, увидев эту конструкцию, сразу бы понял – в эту ходячую мину не только стрелять; ее даже толкнуть посильнее нельзя. Неминуемый взрыв нескольких килограммов

взрывчатки – Валера не пожалел дерева – разметал бы все живое вокруг. Наконец Некрасов запахнул на себе плащ. Он перестал быть худощавым быстрым Топором; вместо него перед Валерой стоял вальяжный упитанный корреспондент провинциальной газеты.

Пример надежно закрепил карточку на лацкане плаща и протянул Топору удостоверение и гранату Ф-1. Лимонка была учебной, но об этом тоже знали только они двое. Некрасов дернул за кольцо и протянул его Валере: «Спрячь!».

Алекс на первом этаже все так же сидел в кресле. Он неторопливо поднялся, когда по лестнице спустился незнакомый мужик в стильном темно-синем плаще.

– Это что еще за хрен? – удивленно спросил он у Валеры, которого было едва видно за внушительной фигурой «корреспондента».

Тут его глаза остановились на карточке. Губы Алекса зашевелились – он чуть слышно прошептал по слогам фамилию. Очевидно, не поверил себе, потому что повторил – уже громче:

– Хрен-на-ры-ло, – и заржал, громко и безудержно.

Он почти минуту не мог разогнуться в приступе дикого хохота, пока незнакомец голосом Топора не остановил его:

– Хватит ржать, Алекс!

Голос Некрасова был тихим, почти ласковым. Однако Алекс не раз видел, как именно с такой интонацией шеф наносит страшный удар кулаком. Пару раз доставалось и парню, поэтому он тут же замер в полусклоненной позе, а потом осторожно разогнулся, успев поглубже спрятать веселье. Топор приказал, теперь уже строго и резко:

– Открывай дверь, малыш – доставай пушки.

Малыш – ростом метр девяносто шесть – поспешил выполнить приказ. Он вошел, согнувшись, в подвальное помещение, нащупал рукой выключатель и уставился в залитую светом пустоту подвала. Зародившееся в его лице недоумение быстро сменилось гримасой ужаса.

Топор ринулся следом, отбросив здоровяка от двери. Автоматов в подвале не было. В нем вообще ничего не было, так же, как и утром, когда Топор в первый раз попал сюда. Коротко, без замаха он впечатал локоть в живот бойца. Алекс громко икнул, и опять согнулся – теперь уже от нестерпимой боли. Шеф еще раз оглядел подвал. Конечно, с этим таинственным исчезновением надо было разобраться, но время. Время! Они еще не опаздывали, но через пару минут «Форд» должен был выехать за ворота. Иначе пришлось бы гнать, а сегодня нарушать правила движения, да еще в чужом городе, было нельзя. Столкновение с местными стражами порядка в планах Топора не значилось; по крайней мере, до начала операции.

– Бегом открывать ворота! – почти прорычал он.

Куда с большим удовольствием Топор оставил бы Алекса в подвале. Однако руки бойца могли пригодиться, а лишних у него не было. «Форд» медленно выехал на дорогу. Алекс шустро запер ворота и с виноватым видом влез в салон автомобиля. Топор посмотрел на него, недовольно сморщился и подвинул лежащий на коленях последний «Бизон» к Валере.

– Пусть побудет у тебя. Отдашь на первой точке.

Валера кивнул и спрятал «Бизон» под курткой. Даже на его тщедушной фигуре пистолет-пулемет почти не выделялся. Он плавно тронул «Форд» с места, но тот совсем немного проехал по разбитой дороге. Свернув во двор, который образовали своими задними глухими стенами четыре пятиэтажных дома, автомобиль остановился у КАМАЗа с зеленым металлическим кузовом-кунгом, на бортах которого крупными белыми буквами было написано: «Специальная». В чем специализировалась организация, у которой для операции позаимствовали этот автомобиль, не знал ни Топор, ни сам Валера, пригнавший его сюда. Это было им не интересно, а главное – совершенно не нужно. Свою роль надпись на бортах должна была выполнить, и точка. Роль эта начиналась, и практически заканчивалась на проспекте Ленина, который и в своем начале, и в конце был украшен «кирпичами». Поэтому и понадобилась спецмашина.

Все трое на несколько минут скрылись в кунге. Вышел из него только Валера – преобразенный, как прежде Топор. Его физиономию украшала окладистая черная борода, сквозь которую можно было разглядеть разве что поблескивающие глазки. Водитель-коротышка перекинул из «Форда» в кабину КАМАЗа заранее припасенные подушки и закрыл двери своей машины. Теперь снаружи только по маленьким ладошкам можно было определить, что в кабине грузовика находится водитель много меньше среднего роста. Но на такие подробности обычно внимания не обращают.

Сыто урча – топливный бак был полным, а сам двигатель почти новым, хорошо обкатанным – КАМАЗ вырулил на улицу Комсомольскую и неторопливо покатил по маршруту, который Топор уже разведет на троллейбусе. До Дегтяревского завода он не доехал меньше остановки. За полквартила до него Валера повернул в другой двор – не глухой, как первый, но вполне подходящий для задуманного.

Из кунга выпрыгнул Некрасов. Он посмотрел на часы, подмигнул Валере в зеркало заднего обзора и зашагал на проспект. Часы были сверены заранее, еще в коттедже, и Топор одобрительно кивнул, поняв, что Валера не собирается глушить двигатель. Было без десяти минут три, а ровно в пятнадцать часов по Москве, как надеялся Некрасов, этот автомобиль ему понадобится.

Через пять минут он был у длинного ряда щитов с заводской рекламой. Четыре «Жигуленка» с мигалками по-прежнему были здесь, готовые по первому сигналу перекрыть проезд к проходным завода. Милиционеров рядом с ними было десятка полтора; большая часть в бронежилетах, с укороченными автоматами Калашникова.

Двое из них как раз пропустили иномарку с московскими номерами. Топор предположил, что это его «коллеги» – столичные журналисты – не пожалели бензина и примчались в Ковров, что бы задать пару вопросов «непотопляемому» заместителю министра.

Автомобиль отъехал, и Некрасов протянул свое удостоверение одному из стражей порядка. Тот быстрым профессиональным взглядом сверил нарисованное лицо Топора с фотографией и попытался сходу пробежать глазами по фамилии корреспондента. Прочел один раз, второй, третий... Потом недоверчиво перевел взгляд на карточку, белевшую на лацкане плаща.

Варфоломей Иванович доброжелательно улыбнулся. Второй милиционер, очевидно, почувал что-то неладное и заглянул за плечо товарища. Он тоже прочел несколько раз запоминающуюся фамилию, покатал ее во рту и выплюнул – негромким, едва сдерживаемым смехом. Первый, капитан милиции, сообразил, что его подчиненный за спиной выдаст сейчас что-то неприличное и поспешно вернул документ.

– Проходите, товарищ..., – он запнулся, подыскивая замену фамилии, и неожиданно для себя отдал честь – как генералу; так он не салатовал даже столичным акулам пера, – корреспондент, – подыскал он все-таки нейтральное.

Некрасов пошел к проходным, провожаемый двумя взглядами. Он успел расслышать, как капитан задумчиво протянул своему младшему товарищу:

– Что-то я такой фамилии в «Знаменке» не встречал. Запомнил бы, наверное...

– А, – махнул рукой второй страж, в котором смех опять пересилил служебное рвение, – наверное, псевдоним. Они же все екнувшие там – им хоть на рыло, хоть куда в другое место положи... отряхнутся и дальше писать будут.

Он, все еще посмеиваясь, повернулся к новой группе журналистов, уже опаздывающих на брифинг.

Топор на ходу достал из кармана маленький баллончик размером с зажигалку. Он поднес его, почти полностью спрятав в ладони, к глазам и нажал на круглую головку. Почти незаметное облачко аэрозоля заставило его усиленно заморгать. Аэрозоль не был едким; просто прикосновение холодных микроскопических частиц к глазам оказалось неприятным. Некрасов уже опробовал этот препарат, раньше – в теплой комнате. Там глаза не ощутили никакого воздей-

ствия. Но когда Топор заглянул через три минуты в зеркало, он сам испугался собственного взгляда – пустого, бездумного и в то же время яростного. Такой взгляд на впечатлительного человека мог оказать более сильное воздействие, чем самые громкие слова.

Как раз в это мгновение раскрылись большие стеклянные двери и на площадку перед проходной один за другим стали выходить люди. Сначала появились и разбежались, окружая пятак перед огромными стеклянными дверями, охранники. За ними вышли второстепенные участники переговоров – те, что сидели за столом, или в сторонке и никаких бумаг сегодня не подписывали. Наконец показались и главные фигуры: замминистра Стасов, директор завода, городской голова и два филиппинца. Зарубежные гости были единственными в военных мундирах, похожих на генеральскую форму нового российского образца. Только увешаны они были орденами, какими-то значками и нашивками гораздо обильней – так, что на груди у обоих не оставалось свободного места. По этому показателю филиппинская армия догнала и далеко обогнала российскую. А сегодняшний договор должен был сблизить их и в области современных вооружений.

Позади этой пятерки, выстроившейся перед журналистской братией, толпились еще несколько скуластых низеньких военных в мундирах победнее, и один гражданский. Топор предположил, что это переводчик. На зрение аэрозоль никак не повлиял. Некрасов даже вроде бы стал видеть мир отчетливей, в более ярких красках. Впрочем, это скорее сказывалось предстартовое волнение. Вот сейчас дирижер взмахнет палочкой...

В роли дирижера выступил городской мэр. Он, очевидно, был выходцем из прежней номенклатуры, а может и сейчас был членом Компартии, потому что обратился к собравшимся по старому:

– Товарищи корреспонденты, прошу задавать вопросы.

Журналистская братия на короткие мгновения замерла. По неписаному правилу первый вопрос должен был задать местный журналист. Однако стоящий за спинами остальных настоящий корреспондент местного издания «Знамя труда» замешкался. Может, он и не знал об этом правиле. А скорее всего он еще раз формулировал в голове свой вопрос; ведь на него должны были нацелиться сейчас камеры нескольких центральных телеканалов. К его величайшему удивлению вперед выскочил человек, который назвался его коллегой и которого он видел впервые в жизни.

– Корреспондент газеты «Знамя труда», город Ковров, – бойко отрапортовал Топор в возникшие вдруг перед его ртом микрофоны с надписями на квадратных гранях: «НТВ» и «Комсомольская правда». Микрофоны на длинных штативах держали его столичные «коллеги». Профессионалы своего дела, скорее всего, представляли себе, какой вопрос должен был задать провинциал. Штативы заметно дрогнули, когда Топор произнес свое временное имя – Варфоломей Хреннарыло.

По толпе журналистов прокатился шумок; кто-то из российских подписантов не сдержался и хохотнул. Недоуменно переглянулись рядом охранники, и только филиппинцы продолжали вежливо улыбаться. Их переводчик ничего необычного не заподозрил.

Стасов отвел взгляд от ковровского мэра, с которым о чем-то беседовал и перевел его на лицо журналиста со странной фамилией. Он непроизвольно нашел его глаза, которые вдруг в считанные мгновенья переменились, стали страшными, обещающими жуткие муки. Ему, заместителю министра, персонально. Холодную ярость безумца, что окатила его, он уже однажды ощутил в холодном поту – так на него когда-то посмотрел Горелый. Поэтому он – единственный из собравшихся тут – не удивился, когда столь необычный журналист протянул к его лицу странный ребристый микрофон и задал первый вопрос:

– Господин заместитель министра! Вы боитесь смерти?

Корреспондент НТВ за спиной Некрасова успел восхититься древним репортерским артефактом: «Микрофон-то дедушкин!». Потом до него дошел страшный смысл вопроса.

Однако длинная палка, в микрофон на конце которой и произнес свою фразу Варфоломей Иванович, даже не дрогнула. Еще через пару секунд опытный журналист понял, что он принял за провинциальный микрофон. А потом и все увидели, что в руке, поднятой теперь высоко вверх, зажата самая обычная лимонка с выдернутой чекой. Тоже изделие российской оборонки, имеющее, как известно, неприятную способность разбрасывать рвущие плоть осколки на двести метров вокруг.

И хотя осколков у одной гранаты вряд ли хватило бы для всех участников брифинга, каждый из собравшихся здесь вдруг почувствовал себя заложником этого сумасшедшего аборигена. Опытная и тренированная российская охрана конечно сразу же просчитала возможность броситься на террориста, уложить его на асфальт таким образом, чтобы большая часть смертоносного железа осталась в его собственных внутренностях.

Но за те немногие секунды, пока накачанные профессионалы обменивались только им понятными знаками и перегруппировывались, Варфоломей Хреннарыло расстегнул длинный синий плащ и ловко сдернул его с плеч, показав всем три ряда толковых шашек, опоясавших его торс. Любой здравомыслящий человек понял бы, что это – оружие страшной разрушительной силы, и что лимонка в руке террориста по сравнению с ним – детская игрушка. Ну а профи поняли это раньше других. Потому и застыли там, где их застала эта страшная картина. Каждому из них было ясно – эту ходящую мину укладывать на асфальт бесполезно. На нее даже дышать надо осторожно, чтобы самопроизвольно не сработал один из взрывателей.

Только один человек в этой толпе сейчас хладнокровно работал. Телеоператор НТВ плавно водил камерой, прицельно меняя крупный план. Бесстрастное лицо террориста сменил его страшный жилет из взрывчатки. Потом так же крупно в камере застыло обреченное лицо «непотопляемого». Снова террорист – его рука, стиснувшая гранату, взведенную к взрыву. Опять лицо крупным планом – особенно безумные глаза, обещающие всем только смерть.

Камера тут же дернулась вниз – вслед за рукой Хреннарыло, которая как раз доставала из кармана плаща, небрежно перекинутого через плечо, какие-то бумажки. Эти бумажки Варфоломей Иванович сунул в руки корреспондентов НТВ и «Комсомолки»; часть из них упала на подметенный к приему гостей асфальт. Этой же рукой террорист взял Стасова под локоть и совсем не страшно, почти добродушно проворчал:

– Ну, пошли, что ли?

Иван Николаевич послушно пошел рядом с ним на деревянных ногах. Он повторял в уме вопрос журналиста, оказавшегося похитителем: «Бойся ли он смерти?». Как-то отстраненно заместитель министра удивился совпадению – именно этот вопрос задавал он себе всю дорогу от Москвы до Коврова, вспоминая Хозяина и его страшную тень – Горелого.

Журналисты дружно расступились, пропуская их. Вид этой бредущей в обнимку, словно закадычные друзья, пары, был достаточно необычным, чтобы отвлечь внимание ковровской милиции, охранявшей проезд. «Жигули» даже не завелись, когда мимо них прорычал, двигаясь задним ходом, КАМАЗ с надписью «Специальная» на бортах. В одно мгновение он заслонил собой странную пару, затормозив прямо перед ней. Теперь милиционеры видели только водителя, вернее его огромную черную бороду и темные же очки, которые прежде всего бросались в глаза.

Дверь кунга распахнулась, как только автомобиль остановился, и чьи-то сильные руки втащили внутрь совсем не сопротивляющегося Стасова. Топор заскочил следом и оглянулся. Толпа журналистов сомкнулась и колыхнулась в их сторону. Только тот самый энтэвэшник остался на своем месте. Он глядел не на автомобиль, а в камеру и что-то читал.

– Скорее всего, одну из моих писуллек, – догадался Топор.

Его улыбка стала еще шире, и он с трудом подавил в себе желание оставить «коллегам» на память сувенир – бросить в толпу совершенно безобидную гранату. Самое большее, что она могла сделать – ушибить одного, максимум двух человек. Потому и бросать ее было нежела-

тельно – чья-то мудрая голова могла сообразить, что и взрывчатка была поддельной. А пока Топор слышал, как в рациях всех четырех милицейских «Жигулей» надывается какой-то начальник:

– Не стрелять! Не стрелять!

Впрочем, этот милиционер с большими звездами мог и не кричать в свою рацию; подчиненные отлично слышали его и без нее. Слышали до тех пор, пока КАМАЗ не взревел, как раненый зверь, и не скакнул вперед. Один «Жигуль» все-таки успел тронуться с места, но Валера ловко объехал его, задев бампер легковушки только задним колесом. Этот патрульный автомобиль выбыл из гонки преследования, даже не начав ее.

Три другие легковые машины с включенными синими мигалками пристроились в хвост КАМАЗу, отставая от него метров на тридцать. Тяжелый грузовик на городских улицах, конечно, не смог бы оторваться от преследования. Но на этот случай Валера придумал очередной сюрприз. Грузовик как раз въехал на большой мост, перекинувшийся через железнодорожные пути, когда дверь кунга опять открылась. Те же руки, что втащили внутрь «непотопляемого», щедро рассеяли по проезжей части полные пригоршни маленьких стальных ежей. Они одинаково успешно прокололи и импортную «резину» передних «Жигулей», и широкие отечественные шины троллейбуса пятого маршрута, двигавшегося по встречной полосе.

Молоденькая девушка, сидевшая за рулем, отчаянно вырулила влево, направив огромную махину троллейбуса точно на вторую милицейскую машину, успевшую затормозить. «Пятерка», толкая перед собой «Жигули» с остолбеневшими стражами порядка, разворачивалась до тех пор, пока полностью не перекрыла проезжую часть. Третий «Жигуленок», единственный оставшийся неповрежденным, продолжать погоню не мог – мост был заблокирован наглухо. Капитан, сидевший рядом с водителем – тот самый, что проверял документы у гражданина Хреннарыло – что-то яростно закричал в рацию.

Такого подарка судьбы Некрасов с Валерой не ожидали. Минут на десять-пятнадцать дорога для преследователей была перекрыта. А им и нужно было всего пару минут форы. КАМАЗ резво промчался по кольцу, посреди которого стоял памятник безвозвратно ушедшему в небытие комсомолу, выехал на улицу, носящую имя все того же Дегтярева и свернул налево в первый переулок.

Там, во двореке, скрытом от дороги длинным пятиэтажным домом, у длинного ряда переполненных мусорных контейнеров стояла темно-синяя «девятка» с тонированными стеклами. За рулем дисциплинированно сидел Макс.

Только дряхлая бабулька с мусорным ведром увидела, как из кунга вылезло трое мужчин – огромный парень с сумрачным лицом, мужчина средних лет из тех, кого старушка считала положительными и, наконец, еще один, тоже пожилой – в роскошном, как поняла даже она, костюме. Этот – самый старший – был бледен; наверное, больной. Поэтому двое первых бережно довели его до тонированной «девятки» и усадили на заднее сиденье. Потом молодой вернулся к КАМАЗу, достал из фургона большую черную сумку и тоже уселся в легковушку. Два автомобиля – большой и маленький – тронулись в разных направлениях, и только тогда бабулька высыпала мусор, кое как разместив его в переполненном контейнере.

КАМАЗ проехал совсем немного. Вырулив со двора, он немного не докатил до улицы Абельмана, параллельной Дегтяревской и остановился напротив большого старого здания, в котором размещалась школа. Валеру совсем не смущало то обстоятельство, что метрах в трехстах отсюда находилось управление внутренних дел города Коврова. Он соскользнул с сиденья, став невидимым для тех, кто мог наблюдать за ним со стороны. Уже на полу кабины он сорвал с лица бороду с очками, а с плеч светлый плащ, который немного не доходил ему до пят.

В тот момент, когда он открыл дверь со стороны сиденья пассажира, через дорогу, в школе, приглушенно раздался звонок. Через пару секунд открылась дверь здания напротив.

Раньше здесь располагался собес. Теперь это заведение называлось по-другому, хотя выполняло те же функции, правда, не так успешно, как прежде.

Человека, вышедшего в дверь, нельзя было назвать бомжом, хотя вид у него был самый непрезентабельный. Несмотря на преклонный возраст, его обычно называли просто Колькой. Он имел паспорт, комнату в коммуналке, но не имел средств к существованию. Свой день он обычно проводил в блужданиях от городской администрации, откуда его давно перестали гонять, затем в собес. Потом в Совет депутатов и обратно – по кругу. Везде ему сочувствовали и изредка подкармливали, позволяя немного заглушить чувство постоянного голода.

Поэтому когда Колька увидел, как из кабины КАМАЗа вылез школьник, подмигнувший ему, прежде чем смешаться с толпой сверстников, высыпающих из школы, он без всяких сомнений вскарабкался внутрь и обнаружил в ящичке, ласково именуемом в народе бардачком, обед хозяина машины.

Сам хозяин, а точнее водитель спецавтохозяйства, сейчас сладко спал в теплом подъезде. Ему предстояло проснуться часа через два, обогатившему опытом – не стоит принимать бутылку лимонада из рук незнакомца, даже если он выглядит как двенадцатилетний пацан.

Там, в кабине, Кольку и взяли бойцы городского ОМОНа. Взяли тепленьким, разомлевшим от обильной еды. Взяли аккуратно, не били. Таких людей бить нельзя – сообразили бойцы – сегодня он террорист, а завтра народный герой и депутат Государственной думы.

С Колькой разобрались быстро. Но за это время Валера успел дойти по улице Абельмана до вокзала, быстро пробежать по новому пешеходному переходу, перекинувшемуся через десяток железнодорожных путей в другую часть города и не спеша дойти до коттеджа. Темно-синяя «девятка» тем временем доехала до кольца, которое уже наполовину загромодили автомобили. Пробка у моста росла, поэтому никого не удивило, что «девятка» повернула налево и покатила мимо четырех заправочных станций, расположившихся меньше чем в ста метрах друг от друга. Подождав у светофора, она нырнула под железную дорогу в «трубочку», и по кружному пути покатила к тихому двору, где послушно ждал «Форд».

Через пятнадцать минут автомобиль Валеры с Максом за рулем затормозил у ворот. Топор не чинился – сам вышел, чтобы открыть их. Причем вышел именно Топор – Варфоломей Иванович Хреннарыло исчез еще в «девятке» при помощи влажных салфеток и какого-то крема, приготовленного Валерой. Там же – в тесном салоне отечественного автомобиля – он провел другой салфеткой, едкой и противно пахнущей, по лицу Стасова, отчего тот едва не задохнулся, а потом... потерял сознание. Так что его безвольное тело Алексу пришлось вносить на руках и в «Форд», и теперь – в коттедж; после того, как ворота, скрипнув, закрылись за микроавтобусом. Заборы между коттеджами здесь были глухими, высокими, а к крыльцу Макс подогнал автомобиль почти вплотную.

Подхватив замминистра на руки как ребенка, Алекс отнес его на второй этаж – в комнату, всю мебель которой составлял большой встроенный шкаф да жесткий стул, одиноко стоящий у окна. Но даже эта жалкая мебель не понадобилась. Алекс свалил бесчувственное тело рядом со стулом, у батареи, и затоптался у двери, улыбнувшись, как и прежде, виновато.

Топор приковал руку Стасова к крашеной трубе отопления, примерился и пнул лежащего без сознания человека по ребрам. Пнул несильно, не оставляя следов, но так, чтобы проснувшийся Иван Николаевич почувствовал себя жертвой насилия. Пока же он замычал, не открывая глаз, и опять провалился в пропасть искусственного сна. Дальше подготовку тела к очередному спектаклю должен был проводить Валера.

Некрасов поднес к глазам Алекса карточку с удостоверением – все, что осталось от корреспондента «Знамени труда»:

– Видел? – спросил он, нехорошо улыбувшись.

Алекс улыбнулся теперь совсем жалко и кивнул:

– Видел...

– Дурак! – отрезал Топор, – ничего ты не видел. Узнаю, что открыл свою пасть про это кому-нибудь, порву так, что ни один доктор не сошьет, понял?

Боец втянул голову в широкие плечи и испуганно закивал.

– Теперь иди в подвал и не поднимайся, пока не найдешь, куда уплыли стволы.

Алекс побежал вниз, почти столкнувшись в дверях с довольным Максом. Второй боец со своей задачей справился на «отлично». Высадив в тихом дворике трех пассажиров, Макс отогнал «девятку» примерно на полкилометра и бросил ее недалеко от того места, откуда два часа назад угнал ее.

– Возьми Макса с собой, – крикнул сверху Топор.

– А Валеру? – так же громко спросил Алекс.

Оказалось, что рукастый малыш тоже успел добежать настоящей мальчишеской рысью и вошел вслед за Максом, скрытый его мощной фигурой.

– Валеру сюда, – скомандовал Некрасов.

Валера, впрочем, и сам знал, что наверху его ждут дела. Он завернул в комнату, которую занял по приезду в Ковров, и поднялся на второй этаж уже с чемоданчиком в руках. В пустой комнате он сразу же подошел к телу Стасова. Топору он не задал ни одного вопроса. А что спрашивать – и так видно, что все идет по плану. Валера вообще старался работать больше руками, чем языком.

Сейчас он достал из чемодана еще один баллончик с аэрозолем и, разомкнув Стасову зубы металлическим шпателем, впрыснул ему в рот очередную гадость.

– Это что? – поинтересовался Топор.

– Когда проснется, – объяснил Валера, – у него во рту будет... как будто стадо свиней неделю паслось.

Некрасов понимающе кивнул. А Валера вынул из чемодана следующий инструмент. Это была тонкая палочка – пластмассовая или керамическая, которую Валера начал натирать красным жгучим перцем.

– Пойдет? – опять поинтересовался Топор.

– Прошибет как миленького, – кивнул Валера, – не сразу. Пока сухо, будет припекать чуть-чуть. А как только чем-нибудь смочит... Мы так в школе девочкам авторучки мазали – особенно тем, кто любил погрызть ручку. Сунет такая в рот авторучку... а мы хохотать...

– А потом?

– А потом одна сдуру потеряла ручкой глаз. Крику было! Чуть зрение не потеряла. Помоги, – Валера кивнул на Стасова.

Они вдвоем стянули с замминистра брюки с трусами, которые тут же полетели в другой угол комнаты, перевернули тело на живот и Валера начал «операцию». Топор весело улыбнулся, глядя, как осторожно орудует палочкой в заднице жертвы «оператор». Сам он – доведись ему заняться таким делом – обошелся бы собственным пальцем, не побрезговал бы.

– Ну вот, – довольно сказал Валера, заворачивая палочку в салфетку и убирая в чемодан, – маленько подмажем красной краской – сожрет как миленький. Если только, конечно, он не скрытый гомик. Такого не проведешь.

Топор аж вспотел – вся эта затея с Велосипедиком, Женечкой и Николашей могла оказаться напрасной.

– Нет, – успокоился он почти сразу, – Крюк не мог упустить такую информацию. Нормальный мужик этот Стасов, по всему видно.

Двое мужчин – большой и маленький – вышли из комнаты, оставив в ней третьего. Того самого, которого сейчас искали все, кого могли привлечь к поискам городские начальники.

Глава 6. Август 1998 года. Ковров – Москва Все смотрят НТВ

Иван Николаевич Стасов проснулся от пронзительного писка. Не меняя положения тела, он осторожно открыл глаза и в течение нескольких долгих секунд наблюдал, как буквально в трех шагах от его лица занимаются любовью две крысы. Наверное, про животных – а крысы были самыми настоящими – так было говорить не совсем корректно. Подобное времяпровождение грызунов имело какое-то другое название, однако Ивану Николаевичу было не до тонкостей. Он буквально оцепенел от такого нахальства домашних грызунов; от того, что мерзкие серые «влюбленные» не боятся, ни в грош не ставят его, «непотопляемого» заместителя министра России.

И только когда он поднял руку, чтобы прогнать крыс, в памяти всплыли события сегодняшнего дня – если только он, конечно, еще не закончился. Он вдруг понял, что лежит на полу, полураздетый. И что рука, которой он дернул в направлении наглых грызунов, прикована к батарее центрального отопления. Стальной звон наручников и спугнул крыс. Крупный серый самец не спеша, с видимым достоинством – если можно так назвать поведение неторопливого грызуна – сполз со своей более мелкой подружки и еще более медленно потрусил к встроенному шкафу, волооча за собой длинный голый хвост. Самочка, чей визг, собственно, и разбудил Стасова, последовала за ним.

Иван Николаевич проследил, как они исчезают за приоткрытой дверцей шкафа и осторожно сел на полу. Холодный паркет неприятно студил голый зад, но гораздо неприятней оказался внутренний зуд в том же самом месте, который вдруг не на шутку разгорелся – так что замминистра срочно захотелось в туалет. Скорее не потому, что забунтовал кишечник. Нет, Стасову вдруг показалось, что он таким образом – смыв в унитазе – уничтожит что-то постыдное и ужасное. А потом все перебил еще один казус – мерзкий запах, который Иван Николаевич вдруг ощутил в собственном рту. Он почувствовал себя так, словно за один присест сожрал целый ящик с наполнителем для кошачьего туалета; причем с наполнителем, неоднократно использованным.

У Стасова был кот – огромный сиамец Тимофей. Сейчас Иван Николаевич вспомнил его не с умилением, а... В общем, в туалет ему захотелось еще сильнее. Между тем лязганье оков услышали не только сам Стасов и крысы, но и неведомые пока хозяева дома. Дверь отворилась, и в комнату вошли три человека, как три медведя в известной сказке – большой, маленький, и совсем маленький.

Главным, как оказалось, был средний.

– Это Максик, – кивнул он в сторону огромного детины, – это (его палец ткнулся в грудь малыша) Валера. А я, значит, Федя.

Детина при этом хохотнул, но быстро заткнулся, как только Федя дернул щекой. Последний продолжил:

– А ты, – Стасов даже не попытался возмутиться от такого запанибратства, – Стасов Иван Николаевич; стало быть, Ваня. Ну что, Ваня, будем говорить?

– О чем? – разлепил губы Стасов.

Федя буквально отскочил от него – такой жуткий запах вырвался из открытого рта «непотопляемого» вместе со словами. При этом он бросил выразительный взгляд на малыша, на Валера, но тот только пожал плечами.

– О Хозяине будем говорить, Ваня, – ответил почти радостно Федя, – о твоём Хозяине. О том, где и когда вы встречаетесь с покупателями.

– Вы ошибаетесь! – исторг в ужасе очередную порцию вони Стасов.

- В чем ошибаемся? Может ты не Ваня Стасов?
- Не тот? – всполошился детина, – мочить будем?

Бандитского жаргона замминистра практически не знал, однако догадался, что «мочить» его будут не водичкой.

– Нет, – дернулся он голым задом на полу, уже не обращая внимания на мерзкий запах, – я действительно Стасов. Но я не знаю никакого Хозяина и никаких покупателей. Если вы имеете в виду премьер-министра...

– Нет, – перебил его с улыбкой Топор, он же Федя, – я имею в виду не его. Я имею в виду Николая Яковлевича Куделина.

Стасов опять дернулся всем телом.

– Достаточно имени Хозяина, – жестко продолжил Федя, – или назвать по именам арабского султана... или японских банкиров... или американца?

Иван Николаевич дернулся совсем уже судорожно, но рта не открыл.

– Понятно, – нейтральным голосом произнес Федя, поворачиваясь к Леше с Валерой, – Хозяина он боится больше, чем нас. А с нами даже говорить не хочет.

– Мочить будем? – опять обрадовался Макс.

– Нет, – ответил теперь с улыбкой Федя, – кино будем смотреть.

– Какое кино? – отвисла челюсть у парня.

– Интересное кино, Максик, – Федя теперь кивнул малышу, – несите телек.

Валера вышел вместе с Максом. Вернулись они очень быстро, видимо телевизор и видеомагнитофон, которые они внесли, стояли за дверью. Аппаратура была дорогой, фирменной – «Панасоник». Такой же небольшой телевизор стоял у Стасова на кухне. Ему вдруг стало страшно, а в прямой кишке зазудело сильнее и требовательней. Однако остатки цивилизованности еще не покинули заместителя министра; он не решился при посторонних почесать в срамном месте, лишь поерзал им по полу.

Федя заметил его телодвижения, усмехнулся и кивнул Валере:

– Запускай!

Малыш протянул шнур к розетке, подключил «Панасоник» и ловко вогнал кассету в жадную пасть видеомагнитофона.

От первых кадров фильма у Ивана Николаевича больно стиснуло сердце. Впервые он видел себя на экране таким – жалким, беспомощным, сидящим на стуле посреди этой комнаты. Но это было только прелюдией настоящих страданий. В кадре вдруг появились два звероподобных молодца, один из которых грубо стащил Стасова на пол. Другой склонился над ним, начав расстегивать свой ремень. Стасов на экране неумело отбивался. Второй – тот, что сейчас сидел голым задом на полу, безуспешно пытался зажмурить глаза, чтобы не видеть, как два бугая достали два естественных орудия насилия и взялись за него; один спереди, другой сзади. Не видеть, как сам он извивался подобно дождевому червяку, насаженному на крючок, от боли... А потом – Иван Николаевич не верил собственным глазам, которые так и не удалось закрыть – застонал от наслаждения. Последнее отключило его сознание.

Вернули Стасова в пустую комнату слова Феди, вернее одно слово, стоящее и этой кассеты, и всех его несправедливо нажитых богатств. И слово это было «Йоркшир». Именно там, в далеком английском графстве, учились его внуки – самое дорогое, что было у него.

– И вот идет в этой школе урок... скажем математики или физики. Учитель ставит учебный фильм. И что видят все? Незнакомого мужичка трахают два других. А мужичок-то очень даже знакомый; мужичок – дедушка наших учеников, Мишеньки и Раечки...

– Не надо, – простонал Стасов, – я все расскажу.

– Все расскажешь, – согласился Стасов, – иначе Мишеньке и Раечке будет не до кино. Детишек ведь можно привезти сюда... Что с ними будет?

Он повернулся к Максиму. Тот предсказуемо предположил:

– Мочить будем?..

Иван Яковлевич рассказывал недолго. В общем-то, главное можно было выложить за две минуты: переговоры пройдут в подземном бункере Куделина, что под дачей на окраине Нахабина в один день, второго сентября. С американцем – в двенадцать часов ровно, с японцами – в четырнадцать, с арабом – в шестнадцать ноль-ноль по московскому времени. Но Иван Николаевич очень старался, поэтому рассказ занял больше десяти минут.

Федя одобрительно кивал.

– Молодец, – похвалил он, когда Стасов наконец замолчал, – если не наврал, конечно.

Заместитель министра порылся в памяти, выискивая клятву пострашнее, а главное – соответствующую его представлениям о собеседниках:

– Гадом буду! – выпалил он, наконец.

– Будешь, – пообещал Федя, – и не только гадом – если хоть в одном слове соврал.

Иван Николаевич залез в память поглубже и выдал еще один шедевр:

– Век воли не видать!

– Ого, – уважительно откликнулся Макс, – он по фене почище Япончика ботает.

Федя решил, что Стасов заслужил послабление режима. Он освободил руку «непотопляемого» от наручников и рывком поставил его на ноги. Топор с подозрением осмотрел место, которое уже успел согреть Стасов и одобрительно кивнул:

– Молодец, – опять похвалил он, – не наложил от страха. Можешь сходить.

Федя показал рукой на другую дверь, у которой как раз валялись штаны заместителя министра. За ней, как оказалось, находился туалет. Впрочем, Топор сначала сам заглянул туда. В туалете не было ничего лишнего – только мыло, да зубная паста с щеткой на раковине, полотенце над ней, да рулончик пипифакса отечественного производства. Еще в углу завалилась забытая кем-то упаковка пенталгина.

– Заходи, – кивнул он Стасову, а затем Макс, – присмотри.

Иван Николаевич действительно почувствовал тяжесть в низу живота – обед, которым потчевали московского гостя заводчане, просился наружу. Однако справить нужду оказалось не так-то просто. Под взглядом Максика, как ему представили ухмыляющегося громилу, из него никак не хотело ничего лезть. Ну а когда он все-таки вытолкнул из себя это ничего, бедная кишка заполыхала таким огнем, что Иван Николаевич чуть не выскочил из туалета, не потеревшись. «Бархатная» – судя по названию – ковровая бумажка показалась ему наждачной. Трясущимися руками он натянул на себя трусы с брюками и чуть не заплакал, бросив взгляд в мусорную корзину. На использованной им бумажке отчетливо виднелась красная кровавая полоса. Только теперь он до конца поверил в страшную правду. Стасов покачнулся и оперся руками о раковину. Потом он долго и остервенело отмывал руки, почти до конца смылив обмылок. Еще дольше он чистил зубы, так и не избавившись от мерзкого запаха во рту. Но ему все таки-полегчало, и в комнату он вышел уже на твердых ногах. Уже здесь его вдруг осенило:

– А как же?.. Что же я ничего не помню?

Топор с Валерой переглянулись; такого быстрого поворота они не ожидали. И хотя спектакль можно было заканчивать, Некрасов решил, что «непотопляемый» еще не испил своей горькой чаши до дна.

– Как же ты можешь помнить? – он запнулся, подыскивая нужное название; вспомнил про упаковку в углу туалетной комнаты, и закончил, едва сохраняя серьезность на лице, – тебя такой дозой хреналгина угостили – слон бы все забыл.

– Хреналгина? – недоверчиво переспросил Стасов, и Топор не выдержал, захохотал; вслед за ним мелко захихикал Валера.

– Покажи, – скомандовал ему Некрасов.

Валера отмотал кассету назад, попав точно в нужное место, и включил покадровую смену записи. Стасов снова впился взглядом в свое лицо – нет, не свое! Он провел языком по зубам –

все они были на месте, ровные, ухоженные, частично вживленные по самой последней технологии. А мужичок в экране совсем закатил глаза и открыл в экстазе рот. И Стасов отчетливо увидел, что у его двойника нет двух зубов – рядом с правым верхним клыком. Да и все лицо, так похожее на его собственное, на крупном плане выглядело потасканным, даже дряхлым. Не то что лицо заместителя министра, привыкшее к заботливым рукам массажисток и косметологов.

– Но зачем? Зачем?! – простонал он.

– Затем! – веско ответил ему Топор одним словом.

Он не стал говорить сейчас о психологии, о том, что подавленный, уничтоженный в собственных глазах Стасов вывернулся наизнанку; выложил все без остатка.

– И помни! Этих трех «артистов», – Некрасов кивнул на «Панасоник», – пришлось кончить, только чтобы тебя не попортить.

– А это? – Иван Николаевич хлопнул себя по мягкому месту.

– Это перчик чили, – вступил в разговор Валера, протягивая Стасову бутылочку масла «Джонсон бэби», – на, возьми – помажь там, полегчает.

– Так что Николай Яковлевич получит тебя целеньким, непорченным, – это добавил уже Топор.

– Зря вы все это затеяли, ребята, – заявил почти снисходительно Стасов; он быстро приходил в себя, – Куделин вам не по зубам. Он никому не по зубам. К тому же... Он ведь не дурак, поймет, зачем меня похитили.

– Поймет ли? – жестко спросил Топор.

Стасов спохватился, но было поздно. Ругая себя последними словами, он с надеждой уставился в лицо Некрасова. А тот словно и не замечал «непотопляемого», говорил только со своими:

– А ведь действительно догадается! Что же мы, зря тут бегали? И что теперь с этим делать? – он махнул в сторону Стасова.

Ответ был у Макса; у него был ответ на все вопросы, причем один на все:

– Мочить будем?

– Может, придумаем что-нибудь? – робко встрял Иван Николаевич.

– Что тут придумаешь? – грубо прервал его Топор, – а впрочем... может Танюша поможет?

Его словно только что осенило – так красноречиво скривилась жесткая физиономия.

– Какая Танюша? – оторопел Стасов.

– Миткова.

– Миткова? – Иван Николаевич мучительно пытался вспомнить, кто такая загадочная Миткова.

– Ты че, мужик, телек не смотришь? – подсказал Макс, который сам не досмотрел ни одного выпуска «Сегодня» даже до середины; однако фамилию ведущей он знал.

Валера тем временем тянул от окна длинный белый шнур с штекером на конце. Экран «Панасоника» снова осветился; бодрый голос рекламировал жевательную резинку. На единственном стуле теперь сидел Некрасов, и заместителя министра это почему-то не задело. Нет – он весь устремился к экрану, ведь он, по словам Феде, был последней надеждой Стасова.

Наконец поползла знакомая заставка информационной программы «Сегодня». Топор бросил быстрый взгляд на часы – ровно девятнадцать ноль-ноль. Увы – Татьяна Миткова ничем помочь Ивану Николаевичу не могла по вполне уважительной причине. Эта неделя была для нее выходной. Соответственно рабочей неделей была для Михаила Осокина. Он и появился на экране, сидя, как всегда, вполборота к зрителям, со своей знаменитой улыбкой – полнасмешливой, полувымученной. Ведущий НТВ быстро пробежал словами по заголовкам новостей и перешел к тем известиям, которые больше всего интересовали собравшихся в этой комнате.

– А теперь, – радостно сообщил Осокин, – главная новость дня. Терроризм и захват заложников вышли за границы Кавказского региона и достигли центра России. Сегодня днем, а точнее в пятнадцать часов по московскому времени в городе Коврове Владимирской области группой неизвестных был похищен заместитель министра промышленности России Иван Николаевич Стасов. Наш корреспондент оказался в самой гуще событий. Передаю ему слово.

«Панасоник» показал знакомую уже Топору картинку торжественного выхода из дверей завода имени Дегтярева «непотопляемого» и его свиты; физиономию исчезнувшего из реального мира господина Хреннарыло с двумя микрофонами у рта. Физиономия была немного смазанной, потому что камеру оператор сфокусировал на буквы «НТВ», украшающие один из микрофонов.

Но голос Некрасова прозвучал четко, словно его заранее записали в студии. Топор заметно поморщился – по голосу его можно было опознать. Этот момент они с Крюком не учли. Оставалось надеяться, что те немногие, что знали Топора достаточно хорошо, в это вечернее время нашли себе более интересных собеседников, чем Михаил Осокин, или – если такие все-таки нашлись – вряд ли могли даже представить себе, что уважаемый авторитет мог назваться таким позорным именем.

Сопровождаемый бодрым комментарием репортера, Варфоломей Иванович на экране снял с себя плащ, представив многомиллионной аудитории на обозрение бутафорскую взрывчатку. Оба микрофона дернулись, так что на экране стала видна принадлежность второго «Комсомольской правде». Затем камера переместилась на руку Топора в перчатке, которая вытянула из кармана плаща пачку листовок. В следующий момент незримые нити, соединяющие треугольник – Хреннарыло, микрофон НТВ, видеокамера – лопнули и микрофон с камерой, проводив спины «непотопляемого» и Варфоломея Ивановича, стали жить отдельной жизнью. Слова за кадром вернулись к лицу, их издававшему; теперь героем репортажа был репортер.

– Я держу в руках обращение партии, один из членов которой только что на глазах десятков человек, в центре мирного города Коврова похитил высокопоставленного работника правительства России. . .

Корреспондент еще некоторое время шевелил беззвучно губами, но кто-то в студии уже решил, что тот уже достаточно посветил на экране своей интеллигентной физиономией. Этот «кто-то» опять вызвал к жизни Осокина. Ведущий «Сегодня» держал в руках точно такой же листок.

– Вот это обращение, – повернул листок к зрителям Осокин, – оно достаточно короткое, поэтому я процитирую его полностью:

«Кто не работает, тот не ест!», – это – усмехнулся Осокин, проводя пальцем по верхней строке воззвания, – как я понял, девиз новой партии. . . «Мы, боевой отряд рабочего класса России, протестуем против нищенского положения трудящихся, Вслед за лучшими людьми страны мы говорим: «Работу – рабочим! Зарплату – заработавшим ее! Справедливость – для всех! Отчаявшись добиться справедливости мирным путем, мы переходим к силовым акциям. Первый наймит российской буржуазии будет возвращен своим хозяевам первого сентября, в День знаний, по частям, если до этого дня не будет погашена ВСЯ задолженность по зарплате трудящимся города Коврова.

Такая участь ждет всех зажавшихся олигархов и их потерявших совесть прислужников».

– Подписал воззвание, – Осокин бросил листок на стол, – ковровский подпольный комитет партии трудящихся России. Впрочем (усмехнулся ведущий) сам комитет далеко не бедствует, судя по финской бумаге отличного качества и дорогому ксероксу, на котором были отпечатаны эти листовки.

Милиция города Коврова интенсивно ищет похищенного члена правительства и террористов; правда, пока без каких-либо результатов. Реакция Правительства и министерства внут-

ренных дел пока неизвестна, однако из неофициальных источников в Белом доме нам стало известно, что из самых высоких кабинетов поступила команда – во избежание повторных захватов ни на какие уступки террористам не идти; своеобразный выкуп в виде зарплаты рабочим ковровских заводов, учителям школ и медработникам выплачен не будет.

Ведущий «Сегодня» сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Город Ковров сегодня стал ареной еще одного чрезвычайного происшествия. Примерно в те же минуты, когда был похищен Иван Николаевич Стасов, трое молодых людей, вооруженных автоматами, совершили попытку ограбления электропоезда в пяти километрах от города. Неизвестно, насколько богатую добычу ожидали найти бандиты в обычном пригородном поезде, однако встретили их там пассажиры, вооруженные не хуже нападавших. По последним данным (Осокин принял из чьих-то рук за кадром листок) нападавшие охотились за неким чемоданом, перевозимым членами другой преступной группировки. Результат – пять трупов и двое тяжелораненых. На месте схватки обнаружены два пистолета-пулемета «Бизон» и три пистолета Макарова. Исчез сам предмет спора – чемодан. По свидетельству очевидцев, он похищен местной жительницей.

Мы намерены и дальше следить за ходом расследования этих происшествий и сообщать телезрителям последние новости из Коврова.

Лицо Михаила Осокина сменилось заставкой программы «Сегодня в мире»...

Куделин недовольно посмотрел на Полковника. Собственно говоря, Олег Летунов полковником никогда не был. В свое время он заслужил только по две большие звездочки на погоны кителя, который, впрочем, он одевал очень редко. Подполковник Летунов когда-то служил в очень серьезном отделе; настолько серьезном, что даже сейчас, на службе у Хозяина, когда Олег обладал поистине всеобъемлющей информацией, ему ни разу не попало упоминание о прежнем месте работы.

Недовольство Куделина он отлично понял, но ни капельки не испугался. В отличие от многочисленных лизоблюдов, окружавших Хозяина, Летунов не боялся ни самого Николая Яковлевича, ни молчаливой куклы за его спиной – Горелого. Олег вообще своей жизни боялся только одного человека – женщину, Серую Мышку. Но она (Летунов глубоко внутри себя перекрестился, хотя ни в бога, ни в черта никогда не верил) почти семь лет как умерла. Иногда он просыпался в холодном поту – ему снилось, что Мышка вернулась, что тот давний взрыв разметал на части не ее – совсем чужое тело...

Сейчас Летунов не только ясно понимал, чем недоволен Хозяин, но и успел прикинуть, как его успокоить.

– Да.., – протянул он совершенно спокойно, – похоже Крюк совсем не та лошадка, на которую нужно было ставить. «Бизоны» -то его ребята потеряли...

– Еще не хватало, чтобы их там похватили, а через оружие вышли на нас... на тебя, – поправился Куделин.

– Не выйдут, – невозмутимо ответил Олег, – оружие Крюку подставили аккуратно, все концы обрублены. А этот случай, – он показал пультом на экран телевизора, где опять появился Михаил Осокин, теперь уже беззвучно шевеливший губами, – можно использовать в свою пользу.

– Как? – заинтересовался Николай Яковлевич.

– По-умному сбросить информацию, что похищение Стасова и нападение на вагон – дело одной группы; тогда Крюк вообще останется в стороне. Надо только решить небольшой вопрос со свидетелями – теми, двумя тяжелоранеными.

Куделин с минуту помолчал. В его большой круглой голове бешено металась мысли; прокручивалось множество вариантов развития событий. Наконец изошренный мозг, превосхо-

дивший самый навороченный компьютер, выдал результат – предложение Полковника было стоящим.

– Действуй!

Летунов легко поднялся с низкого кресла, оставив пульт на подлокотнике, и пошел к двери. На полпути к ней его остановил хохоток Хозяина:

– Значит, Хреннарыло? Придумали ведь, гады. Кто это был, не узнал?

– Узнал, – ответил Олег, полуобернувшись, – по голосу. Правая рука Крюка – Федор Некрасов, Топор.

– Топор, – повторил задумчиво Куделин, – ну ладно, иди...

Дверь за Полковником бесшумно закрылась. Куделин коlobком подкатился к столику, на котором стояло сразу несколько телефонов. Нажав одну из трубок, Хозяин нажал пухлым пальчиком на три кнопки и почти сразу отдернул трубку от уха – голос ответившего ему был слишком громким и уверенным.

– Вот именно, слишком уверенный, – усмехнулся Куделин, – с тебя, господин первый заместитель премьер-министра приставки и.о. еще не сняли. Ничего, скоро снимут – вместе с табличкой на кабинете.

В трубку же он сказал дружелюбно, медово:

– Добрый вечер, Игорь Евгеньевич! Куделин говорит.

– Добрый вечер Николай Яковлевич, – заметно тише пророкотал голос и.о. первого заместителя главы правительства.

– Что творится-то, Игорь Евгеньевич!

– А что творится? – осторожно переспросил голос, чей обладатель прекрасно понял, что имеет в виду Куделин.

– Выручать надо господина Стасова.

На другом конце трубки повздыхали.

– Что – денег нет у правительства? – поинтересовался Николай Яковлевич.

– Не в деньгах счастье, – мрачно выдал афоризм зампреьера, – мы тут пришли к выводу, что нельзя создавать прецедент.

– А вы подумайте еще раз, и передумайте, – вежливо посоветовал Куделин, – и еще... насчет денег. У меня как раз завалилась сотня миллионов рубликов – наших, отечественных – уже загруженная в автомобиль.

– Может, не надо? – нерешительно попытался отказаться Игорь Евгеньевич.

– Надо! – отрезал Николай Яковлевич, – автомобиль сейчас выезжает к Белому дому. Обеспечь охрану. Я надеюсь, что завтра утром ковровские рабочие начнут получать зарплату. И еще... передай по неофициальным каналам – если хоть один рублик из МОИХ денег попадет не в тот карман... В общем, ты понял, Игорь Евгеньевич?

– Понял, – послушно отрапортовал зам. премьера, – только... как быть с журналистами, с НТВ?

– Ничего, – успокоил его, хохотнув, Куделин, – скоро им будет не до этого.

О том, что через пару дней Государственная Дума не утвердит старого нового премьер-министра, Николай Яковлевич говорить не стал.

Мягкая ладошка положила трубку. Через мгновение другая рука – жесткая, крепкая – аккуратно опустила другую. Олег Летунов, он же Полковник, отвечавший в бункере за многое, в том числе за электронную защиту от посягательств извне, загадочно улыбнулся...

Настроение Николая Ивановича Крючкина резко поменялось с благодушного и веселого на мрачное, как только в устах телеведущего прозвучало слово «Бизон». Только что Крюк весело хохотал, глядя, как Топор лихо справляется с ролью героя кинобоевика. Теперь же он грязно выругался. Что-то пошло не так; Топор в чем-то лопухнулся, и Крючкину теперь остава-

лось надеяться на лучшее. Возможностей повлиять на ситуацию у него не было, и это взбесило старого уголовника больше, чем сама возможность провала операции. Крюк никак не был завязан на Ковров, никого там не имел, и обращаться за помощью не хотел, да и не мог. Не потому, что не хотел делиться. Просто он хорошо представлял себе реакцию тех, к кому он мог обратиться – узнай только они, на кого посмел замахнуться Крючкин.

Теперь ему оставалось только скрипеть зубами от ярости и ждать, чем все закончится...

Александр Шунтиков по кличке Шунт уже не помнил, когда смотрел телевизор. Собственно говоря, телевизор у него был; даже не один, а три – все супернавороченные «Сони», с биоэкраном и прочими прибабасами. При желании он мог себе позволить и тысячу таких аппаратов. Александр Шунтиков не бедствовал, как и полагалось одному из главных действующих лиц в сфере московской торговли наркотиками. Но ему хватало и этих трех, тем более, что смотрел он их исключительно в связке с видеоманитофонами. В те редкие часы отдыха, который мог себе позволить Шунт – еще не наркобарон, но упорно к этому званию стремившийся – на телеэкране мелькали герои боевиков или крутых порнофильмов.

Естественно, Шунтиков понимал, что телеканалы тоже могли выдать что-то полезное для его уже не маленькой «империи». Но отслеживать эту информацию, процеживать ее через мелкое сито полезности, был назначен специальный человек, разбирающийся в этом – умный и головастый. Его так и звали – Голова.

Голова неслышно вошел в голову и несмело кашлянул. Шунтиков повернул голову. Еще мгновение назад расслабленный, он собрался, завел внутри себя невидимую тугую пружину. Ту самую пружину, которая готова была выбросить наружу гнев хозяина. А именно за этим – понял Шунт – и явился сейчас Голова. Этот нескладный человек с непропорционально большим черепом был сейчас неестественно бледным; в его глазах затаился животный ужас. Тонкие длинные пальцы Головы теребили видеокассету. Шунт понял, что переживания Головы связаны именно с этой черной коробочкой.

– Ставь, – кивнул Шунтиков в сторону большого телевизора, на экране которого мускулистый чернокожий герой разложил на громадной посели сразу трех грудастых красавиц.

Мелькание голых тел сменилось ехидной, как показалось Шунту, улыбкой Михаила Осокина. Наркобосс расплывался телом в кресле с каждым словом ведущего НТВ; тугая пружина внутри медленно разжималась – до тех пор, пока не прозвучало волшебное слово «чемодан». Пружина тут же свернулась; к Голове, скромно стоящему у двери повернулся совсем другой человек, хищный и опасный.

– Наши? – прохрипел он в ярости.

Голова кивнул.

– Судя по времени – они. К тому же у Волчары и Сереги с Пашкой были именно «Макаровы».

Страх, который плескался в глазах Головы, никак не отразился на его способности рассуждать здраво. Может поэтому Шунт и не прибил его тут же, на месте. В назидание другим – чтобы не лезли своими «гениальными» идеями куда не следовало. Андрей – так звали Голову – совершенно случайно оказался рядом с Шунтом и Волчарой, когда те перебирали варианты доставки крупной суммы денег в Нижний Новгород. Именно оттуда и приехал когда-то на электричках в столицу совсем юный Голова. Он и сейчас был еще очень молод; может потому тогда не сдержался и выпалил: «Электричка!».

Кандидат в наркобароны и его главный помощник с недоумением посмотрели на Андрея, словно сейчас заговорило кресло в углу.

– Заткнись! – коротко отреагировал Волчара.

– погоди, – остановил его Шунт, и кивнул Андрею, – говори.

– Ну..., – испугался вдруг собственной смелости Андрей, – если кто захочет перехватить баксы... Где он будет ждать курьеров? На трассе! Тачки наши известны. Прижмут грузовиками или автоматами изрешетят на ходу. А в электричке хоть и подольше, зато никому даже в голову не придет искать там. Рано утром выехать на Петушки, потом Владимир, Вязники и Нижний (это он сейчас перечислял свой маршрут до родного дома). Вечером будут на месте.

– Заткнись, – снова пробурчал Волчара.

И опять Шунт отмахнулся.

– Погоди, может попробовать? – задумчиво спросил себя Шунтиков.

Миллион баксов необходимо было доставить в Нижний в течение двух дней, иначе поставщики откажутся иметь дело с ним. За такой срок обеспечить надежность перевозки нелегко. Тем более, что по Москве давно ползут слухи о беспредельщиках, которые бомбят авторитетов одного за другим. Причем в первую очередь бомбят именно курьеров – с товаром или деньгами.

– Ты что, Шунт? – попробовал отговорить его Волчара, – ты знаешь, что про нас будут говорить, если кто-нибудь узнает? Скажут, что у Шунта баксов не хватило, чтобы купить бензин для «Мерса».

Шунтиков заколебался. И снова вмешался осмелевший Андрей:

– А кто узнает? Деловые люди по электричкам не ездят.

– Попробуем! – решил Шунт.

– Ну, смотри, – зло бросил Голове Волчара, – если что случится, я твою тыкву шестьдесят шестого размера о стенку расколю.

Андрей поежился; он вдруг пожалел о своей смелости. Впервые за годы работы у Шунта на подхвате у него появилась ответственность за исход дела, чего он никак не ожидал, открывая рот, чтобы произнести всего одно слово: «Электричка!».

Пришло время Голове расплачиваться за длинный язык. Лицо Шунта, и без того злое, стало вдруг страшным. До него, оглушенного известием о пропаже миллиона, только что дошли слова о пяти трупах в вагоне.

– Слушай, ты, – схватил он Андрея за грудки, отчего большая голова резко мотнулась назад, – хрен с ним, с миллионом – ты мне его отработаешь до последнего цента. Но если там кончили Волчару... Я из твоей тыквы колобок сделаю, или футбольный мяч. Живо сюда Седого, Рожу и Рэмбо!

Через пять минут в сторону Горьковского шоссе помчались три иномарки, полные вооруженных боевиков. Первый микроавтобус, где главным был Седой, имел задание привезти в Москву, к Шунту, всех оставшихся в живых из команды Волчары. Рожа – красивый молодец, сидевший рядом с водителем второго джипа – должен был привезти по тому же адресу уцелевших грабителей, осмелившихся поднять руку на добро наркобосса.

Наконец третий, самый накачанный, звероподобный Рэмбо, имел задачей привезти боссу тезку. Шунтиков так и сказал, отпуская его:

– Привези мне эту... Рэмбу в юбке. Да смотри – привези целой. Здесь вместе подумаем, что с ней делать, – тут ему на глаза попался Голова, и Шунт ткнул в него пальцем, – этого возьми с собой. Пусть там умничает.

Так что пришлось Голове мчаться в ночь в сторону родного дома на крутом джипе. Только вот радости в душе от этого он совсем не ощущал. А в особняке Шунтикова чернокожий здоровяк на экране через пару минут все-таки сообразил, как ему справиться сразу с тремя. В отличие от Михаила Осокина этот герой ничего не обещал – он действовал.

Валера щелкнул пультом, выключая «Панасоник». В комнате воцарилось молчание. Наконец Макс громко откашлялся и заявил:

– Где-то я этого чувака, который Хрен-на-рыле, уже видел.

Эти слова мгновенно перевели поток мыслей Топора с «Бизонов», всплывших в вагоне электрички, на недавнее террористическое прошлое.

– Давай вниз, – приказал он Макс, – составь Алексу компанию.

Алекс уже третий час сидел в подвале, у дыры в дощатом полу – в засаде, значит. Макс, невнятно рыча, отправился вниз.

– Ничего у вас, ребята не выйдет, – уже обычным, лишенным ужаса голосом, заявил Иван Николаевич.

– Почему? – лениво поинтересовался Некрасов.

Ход мыслей «непотопляемого» его практически не интересовал; у него своих мыслей хватало.

– Никто за меня не даст даже копейки. А вы сразу миллионов сто у правительства потребовали.

– Что-то ты себя, Ваня, дешево оценил.

– Я себе цену знаю, – обиделся Стасов, – только они там, в Москве, тоже не дураки (Иван Николаевич уже дистанцировал себя от тех, в столице). Если заплатят сейчас, придется платить всей России; все чиновники в заложники переквалифицируются. К тому же у Белого дома не то что ста – одного миллиона в мошне не наберется. Это я точно знаю.

– Ничего, – усмехнулся Топор, – Николай Яковлевич займет.

– Хозяин?! – чуть не поперхнулся Стасов, – у него таких как я – как галстуков в шкафу, штук триста. Он их каждый день меняет. А какой не нравится – выбрасывает.

А Некрасов успокоил заложника:

– Не бойсь, Ваня! Успеешь на встречу и с японцами, и с арабским султаном. А теперь – ужинать. Заработал, Ванюша, – он похлопал заместителя министра по плечу.

Топор вышел из комнаты последним. Внешне спокойный, он в мыслях тревожно пытался представить себе реакцию Крюка на репортаж НТВ – особенно на его завершающую часть. О реакции миллионов других телезрителей он не думал. А зря – многие из них могли оказать огромное влияние и на ход операции, и на судьбу самого Топора. Федор Некрасов не мог даже представить, что один из таких зрителей, вернее одна – женщина – смотрела и слушала Михаила Осокина в одно время с ним. Но что самое интересное – на экране того самого «Панасоника», который в гордом одиночестве стоял посреди пустой комнаты.

Глава 7. Август 1998 года. Ковров – Москва Подполковник Наталья Крупина

Электричка резко теряла скорость. Сквозь запыленное окно Наталья увидела здание вокзала. За противоположным окошком была платформа, на которой она совсем недавно впервые увидела Леху и его дружков. У дружков – судя по тому, как они лежали на полу злосчастного пятого вагона – больше не было никаких проблем.

– Лехе, – мрачно усмехнулась Крупина, – тоже сейчас не до проблем. Не напрягает сейчас мозги парень, и долго еще не сможет напрягать – и в этом, быть может, его счастье.

Она ласково погладила сквозь плотный материал сумки приклад «Бизона», который дал фору и Лехе, и самой Наталье. А проблем у подполковника хватало. Обдумать их все – тщательно, со всех сторон; каждую в отдельности и все вместе, в самых невероятных сочетаниях, которые в реальной жизни встречаются не так уж редко – за те десять минут, что электропоезд мчал Крупину к Коврову, было нереально. Поэтому она успела поставить себе одну первоочередную задачу. За ней, бывшим подполковником КГБ Натальей Крупиной, еще не началась охота, однако уже сейчас она собиралась направить погоню по ложному следу. Так опытный битый лис кружит по лесу, даже еще не слыша лая собак.

Казалось, здравый смысл подсказывает – беги, скрывайся на бескрайних российских просторах, и дальше – за ее пределами. Тем более, что руку приятной тяжестью оттягивал миллион долларов. Однако Крупина понимала – отсидеться не дадут; не один, так другой преследователь обязательно станет на след. И тогда снова в отрыв, снова искать нору поглубже и незаметней. К тому же она была уверена, что нашедшие ее люди не будут такими доверчивыми, как Басмач, или тот же Леха. Нет – Наталья не собиралась опять зарываться в нору. Но и вступать в бессмысленную битву с многочисленными бойцами, шестерками и семерками нынешних хозяев жизни, она не хотела.

Было время, когда Крупина держала в своих руках, пусть направляемых чужой волей, судьбы и сами жизни кремлевских небожителей. Тех самых, что считали себя неприкасаемыми. Может, пришло время проверить, насколько надежны кресла под нынешними хозяевами страны?..

Вагон, наконец, остановился, миновав и здание вокзала, и широкую лестницу нового пешеходного моста, шагнувшего через добрый десяток путей железнодорожной станции Ковров. За стеклом Наталья теперь видела выкрашенные унылой зеленой краской двери станционного туалета – его мужской половины. Из него как раз вывалилась четверка парней, хохочущих так громко, что было слышно даже в закрытом вагоне. Именно их Крупина и выбрала первыми жертвами своего плана. Конечно, можно было сыграть «спектакль» и раньше, но подполковник понимала, что нападение на бабулек, которые сейчас сидели рядом на жестких сиденьях электрички, будет выглядеть слишком наигранным и подозрительным. Да и жалко их было, честно говоря. А как иначе – без крови и выбитых зубов – заставить пассажиров запомнить ее, грозную и безжалостную. Главное же – отправившуюся вроде бы дальше, в сторону Владимира. Хотя никуда она пока их Коврова не собиралась. По крайней мере, до тех пор, пока не разберется с таинственным коттеджем, обитатели которого хранят в подвале не банки с вареньями и соленьями, а огнестрельное оружие.

– А у бабулек и зубов собственных нет, – усмехнулась она.

Парни, наконец, зашли в вагон, сразу заполнив его атмосферой возможного скандала и дымом сигареты, который один из качков мусолил во рту, как раз показав не пожелтевшие еще зубы. Наталья опять усмехнулась, теперь уже хищно и предвкушающе. Эта сигарета была отличным поводом прицепиться. Впрочем, при необходимости подполковник Крупина

смогла бы придрататься даже к ангелу. По телу вдруг прошла теплая волна удовлетворения. Дело еще не было сделано; она даже не приступила к выполнению своего плана, но Крупина уже поняла – предстоящая стычка не только поможет этому самому плану, но и позволит стряхнуть с себя ту невидимую грязь, что годами росла в душе следами гнусных ругательств, откровенного хамства и унижающих достоинство поступков, которыми так щедро наделяли окружающих подобные молодцы.

Парни миновали первую скамейку, даже не глянув на Крупину, привычно съезжившуюся у окна, потом вторую. Сели на третью – к двум девушкам довольно скромного вида, на лицах которых сразу же стал проявляться ужас.

– Чо, Серега, здесь сядем, – не оборачиваясь, спросил дружок первый, завернувший к этой паре сидений.

– Давай здесь, – лениво согласился Серега, оглядывая попутчиц.

Сигарету при этом он изо рта не вынул, и она подпрыгнула несколько раз в такт словам, заставив длинный столбик пепла упасть на линолеумный пол. Парни не успели начать процедуру знакомства, которая очевидно давно была проработана. Они еще не закончили умащивать свои крепкие зады на деревянных скамьях, когда на весь притихший вагон прозвучал спокойный, но громкий голос Натальи:

– Серега, не будь козлом, потуши сигарету.

Даже тот негромкий шумок, который доносился из дальнего конца вагона, затих, пока Серега соображал, что обращаются именно к нему. А тут еще сосед, дружок, негромко хохотнул.

– Как ты сказала?! – парень рывком повернулся к Крупиной всем телом, не вставая, однако, пока с сиденья.

– Воняет от тебя как от козла, говорю, а ты еще и дымишь как Ащеринская свалка.

Теперь Сереге пришлось встать. Будь парень постарше, он, прежде чем шагнуть к ней, сжимая огромные кулаки, сказал бы что-то вроде известного: «За козла ответишь!». Однако Серега классикой советского кинематографа явно не интересовался, поэтому шагнул с отборным матом вперед, в смысле назад по движению поезда. Матерщина эта показалась сейчас какой-то жалкой и неубедительной для совершенно дикой, на взгляд громилы, ситуации.

Бить эту наглую тетку с большой сумкой у ног своими пудовыми кулаками Серега не собирался – так, поучить немного понятиям, да вышвырнуть вон из вагона. Дружки его тоже вскочили, ухмыляясь. Эти тем более в разборки вступать не предполагали, но от зрелища не отказались. И они его получили! Бешеный нрав Сереги они знали; на его памяти никто не смел обзывать его; тем более козлом.

Маленькая фигурка Крупиной не была видна за мощной спиной Сереги, поэтому ни его дружки, никто другой в вагоне не увидел, как она взмахнула своим кулаком. Предмет спора – сигарета – от страшного удара сплющилась, оказалась во рту парня вместе с обломками нескольких зубов. Этого вполне хватило бы для парня, однако подполковник не отказала себе в «удовольствии» отработать барабанную дробь ударов по корпусу Сереги, отчего того бросило вбок, на пол между скамьями второго ряда; с многочисленными переломами ребер.

– Во, бля, – удивился один из дружков, вырастая перед Натальей в проходе.

Этот, очевидно, был любителем крутых боевиков, потому что встал в каратистской стойке. Крупиной не хватило бы времени, пока электричка стояла у вокзала, чтобы перечислить все изъяны его «грозной» позы. Она, впрочем, и не собиралась показывать парню, как надо правильно стоять перед противником. Легкой тенью Наталья скользнула вбок, запрыгнув на безжизненное тело Сереге, скамью, высокую спинку и опять на сиденье – теперь уже третьего ряда. Она оказалась за спиной каратиста как раз в тот момент, когда тот с жутким криком оторвал от линолеума ногу и устремил ее вперед, неестественно выворачивая ступню, да

и все тело. По его замыслу эта нога должна была впечатать дерзкую незнакомку в дверь вагона. Крупина даже успела удивиться:

– Он что, с закрытыми глазами дерется?

Таким неустойчивым положением грех было не воспользоваться. Она внешне несильно ткнула ботинком в напряженную опорную ногу парня – как раз позади колени. Нога предательски подломилась, заставив парня грохнуться затылком на пол. Кулак Крупиной ускорила падение, расплющив нос парня на широком лице, глаза на котором действительно были закрыты. Перед подполковником оставались теперь только двое противников. Впрочем, противниками их можно было назвать весьма условно – напротив девушек сидели, старательно отводя глаза и от них, и от своих поверженных дружков, а главное – от страшной тетки – бледные копии тех удалцов, которые со смехом и шумом вошли в вагон две минуты назад.

– Пошли вон, – процедила Крупина и парни, словно нашкодившие котята, ринулись в проход.

Однако далеко им уйти не дала крепкая ладошка подполковника. Не менее жесткая, чем кулак, она отвесила одному полновесный подзатыльник, другому обожгла задницу, заставив обоих испуганно забиться в углу следующего ряда скамей, через проход от девушек. Наталья ободряюще улыбнулась студенткам, которым эта женщина-терминатор показалась сейчас не менее страшной, чем привычное хамство парней. Наталья еще улыбалась, повернувшись к жалким фигуркам, съезжившимся на другой скамье, и от этой улыбки парни уменьшились в объеме прямо на глазах.

– Если я услышу до Владимира хоть одно слово...

Что именно случится тогда с парнями, Наталья не сказала, однако глухой стон Сереги, шевельнувшегося на полу, показал – конкретно он не ждет он нее ничего хорошего.

Эта фраза была ключевой. Собственно, ради нее пострадал и Серега, и его дружки. Теперь весь вагон, ловивший каждое слово Крупиной, знал, куда она едет. Этой же целью объяснялась и особая жестокость, с которой Наталья остудила порыв парней, давно уже уверившихся в собственной исключительности и безнаказанности. Обычную оплеуху они, несмотря на всю свою гордость, постарались бы забыть; даже объяснили бы друг другу как-то. Но переломы ребер и челюсти Сереги, сотрясение мозга второго парня заставят их уже во Владимире обратиться к врачу. Так что след в виде этих покалеченных парней она оставила вполне убедительный.

Схватив постанывающего качка за куртку, она рывком усадила его рядом с дружками. Парень безжизненной куклой осел на скамье.

– Заявите ментам – под землей найду, – громко, на весь вагон, прошептала Наталья, и отправилась за Серегой.

Последний, как и предполагала Крупина, кроме сигарет любил еще и пиво. По крайней мере, один из ее ударов, умышленно нанесенный в область мочевого пузыря, заставил этот жизненно важный орган расслабиться и освободиться от содержимого. За тихо постанывающим Серегой, которого Наталья волокла так же легко, как каратиста, протянулась широкая влажная полоса. Крупина сразу отметила и ее, и специфический запах, который скоро должен был заполнить вагон. Но, только усадив вторую куклу на скамью, и вручив ее относительно целым дружкам, она сморщила нос и протянула:

– А мальчик-то описался, – нос ее скривился еще сильнее, – фу, тут воняет, как... Пойду ка я лучше в другой вагон.

Эта последняя фраза тоже предназначалась для зрителей. Заканчивая спектакль, она подхватила сумку и действительно отправилась в соседний вагон – назад по ходу поезда. Уже закрывая за собой дверь, она обернулась и увидела, как рванули в противоположную от нее сторону невольные зрители. И первыми – те самые студентки. Наталья была уверена, что через

пару минут в этом вагоне останется только Серегина компания. Она закрыла за собой вторую дверь тамбура – уже в другом вагоне – и не спеша сошла на платформу.

Железнодорожники на этот раз не подвели – внутренний хронометр Крупиной отсчитывал последние секунды, что она отвела себе для жестокого спектакля, когда от головного вагона донесся недолгий гудок и электропоезд отправился во Владимир, унося с собой побитых парней и тень подполковника Крупиной. Наталья сделала несколько шагов следом, помахав в окно электричке совершенно незнакомой бабке, которая даже не смотрела в окно. Она, не останавливаясь, бодро поскакала по широким бетонным ступеням, ведущим на новый мост, позволяющий пешеходам безопасно пересекать пути, направляясь из северной части города в южную.

Мост был высоким; лестница, прежде чем достичь его еще более широкого полотна, делала два поворота. Уже на первом из них, на квадратной площадке, подполковник совершенно естественно оглянулась. Перрон был почти пуст – к электричкам люди приходят обычно без провожающих. Те немногие пассажиры, что вышли из вагонов раньше Натальи, уже исчезли в городе. Только вокзальная милиция, пожалуй, могла запомнить ее. Однако вся она, по крайней мере видимая ее часть, столпилась сейчас в дальнем конце перрона. Они кого-то разглядывали вдалеке и что-то с жаром обсуждали.

Крупина не стала ждать, когда милиция займется своим непосредственным делом и, перескакивая сразу через две ступени, быстро поднялась на мост. Уже там она увидела, что так сильно заинтересовало транспортных стражей порядка. Меньше чем в полукилometре от этого, пешеходного моста, через пути перекинулся автомобильный. И там творилось что-то неладное. С обеих сторон моста выросли внушительные пробки, которые почти упирались в красно-белый троллейбус, перегородивший мост. Еще там мелькали сиренами милицейские автомобили, и Наталья невольно пожалела гаишников – выбираться из этой кучи-малы им будет ох как непросто.

Каким бы не был прискорбным сам факт дорожно-транспортного происшествия, Крупиной он был на руку. Соответствующим органам сейчас было не до нее. И следующая мысль Натальи была совсем не злорадной:

– Это вы еще, ребята, не знаете, что произошло в пятом вагоне электрички...

По ее расчетам известие о бойне в том вагоне должно было достигнуть правоохранителей совсем скоро. Словно в подтверждение этого из-за угла вокзала – там находился отдел транспортной милиции – выскочил еще один милиционер. Этот был без фуражки, явно забытой от волнения. Он скорым шагом, а затем вовсе бегом ринулся туда, где в окружении других стражей, наверное, находилось начальство. Через минуту он еще резвее бежал назад – уже вместе со всей толпой.

Дождаться каких-либо действий с их стороны Наталья не стала. Она и остановилась-то на мосту, чтобы решить – как добираться до больничного комплекса, рядом с которым и располагался коттедж. Вариантов было два – троллейбус, или маршрут номер одиннадцать, то есть пешком. Авария на мосту однозначно отвергла первый вариант, и Крупина перебросила тяжелую сумку в другую руку – путь до коттеджа был неблизким. Через мост, пробки к которому росли угрожающими темпами, вели все шесть троллейбусных маршрутов, и все они сейчас остановились.

Собственно говоря, по статусу районного центра и количеству жителей Коврову никаких троллейбусов не полагалось. Благодарить за этот удобный и экономичный транспорт, так выручивший горожан в годы бензиновых кризисов, они должны были своего бывшего депутата – маршала Устинова. Но Наталья, как уже говорилось, ковровчанкой себя не считала, так что благодарить сейчас никого не собиралась.

Спорым шагом она пошла по мосту, уже на ходу услышав обрывки разговора двух мальчишек, один из которых комментировал аварию:

– Я тебе точно говорю – из автоматов расстреляли. Из пятерки кучу народа вытащили, все всмятку. Скорые не ездят, так их в грузовики покидали и увезли. А тех, что стреляли, не взяли.

– А много их было? – у второго мальчишки загорелись глаза.

– Полно, – вдохновенно врал первый, пониже ростом и побойчей, – три «Тойоты-Короллы», битком набитые.

Крупина улыбнулась на ходу – распознать марку автомобиля на таком расстоянии! Мальчуган и название-то иномарки, скорее всего, в каком-то детективе вычитал. Но в глазах товарища он сейчас выглядел большим авторитетом.

Наталья шла быстро, не подозревая, что след в след повторяет маршрут Валеры. Она бы и догнала его – у самых ворот коттеджа, если бы не сбавила ход, сворачивая на улицу выросшего здесь поселка ковровских нуворишей. Третий коттедж действительно был зеленым, с острроверхней красной черепичной крышей. У его железных ворот – метрах в десяти от Крупиной, шагавшей сейчас медленно, скособочившейся в сторону тяжелой сумки – встретились два человека. Мальчик, бежавший вприпрыжку впереди самой Натальи и молодой громила, который подошел с противоположного конца улицы.

Здоровяк пригнулся и первым нырнул в железную калитку. А парнишка на минутку замешкался, оглянувшись на Крупину. Наталья равнодушно смотрела мимо и его, и дома, внешне никак не отреагировав на цепкий взгляд. Однако прежде, чем коротышка нырнул в открытую дверь, повернув туда свою голову в черной шапочке с каким-то иностранными буквами, подполковник поняла, что никакой это не мальчик; что человеку со школьным рюкзаком за плечами лет, быть может, не меньше, чем ей самой.

Все так же неторопливо она прошла мимо ворот, притворно вздохнув так тяжело, что чуть не пожалела сама себя. Уже отойдя на несколько шагов, она услышала, как прошлепали легкие шаги по двору, и заскрипела внутренняя дверь. Наталья больше не оборачивалась до самого конца линии. Чуть ли не шаркая подошвами по асфальтовой дорожке, она свернула за крайний дом короткой – не больше десятка домов – улицы, обратно к шоссе; уже по соседней линии. Коттеджи соседних улиц смотрели на асфальт фасадами, стыдливо пряча от прохожих свои тылы, не такие ухоженные.

Проходя мимо третьего дома на этой линии, она бросила внимательный взгляд на двери... Хозяин здесь больше доверял старой, дедовской технике – в петлях висел огромный старинный замок. Наталья остановилась и оглянулась. Улица пыла пуста. Сумка в одно мгновение переместилась на плечо, освобождая руку, и Крупина взлетела по решетчатым воротам, спрыгнув сверху в сторону, на мягкий не стриженный газон. Дома на этой улице были построены давно; садик за коттеджем уже успел набрать силу. И хотя безжалостная осень успела сорвать наряд и с деревьев, и с кустарников, здесь было где спрятаться опытному человеку. Совершенно не заботясь о чистоте своего выходного, а теперь уже единственного костюма, Наталья примостилась за большим контейнером, набитым почти доверху сухой листвой, сорняками с остатками почвы на корнях и, судя по запаху, навозом.

За этим компостником Наталья просидела минут пять. Направление следующего броска она определила сразу же – к такому же контейнеру за низким заборчиком из выкрашенных когда-то тоже в зеленый цвет строганных досок. Почти все это время она наблюдала за домом, за его окнами, терпеливо дожидаясь, когда в них мелькнет тень. Однако дом все это время оставался «слепым». Если кто и наблюдал сейчас за этой частью усадьбы, делал он это весьма умело, не подавая никаких признаков жизни. Наконец Крупина глубоко вздохнула и метнулась вперед, перемахнув через забор, не задев его. Выдохнула она уже за другим контейнером, пахнущим чем-то нестерпимо кислым. Но подполковник терпеливо сидела, оценивая точку следующего броска и не забывая следить за окнами. Одно из них, на втором этаже – узкое, окрашенное белой краской – явно вело в туалет или ванную. Звуки сливающейся из бачка

воды, которые донеслись из полуоткрытой створки, подтвердили этот вывод. Туда, в это окно, и собиралась махнуть Наталья, сделав еще один глубокий вдох.

Два пустых контейнера, стоявшие друг на друге прямо под этим окном, навели мысль о мышеловке внутри. Только очень уж изощренной должна быть фантазия у такого мышелова – контейнеры, когда-то, наверное, поставленные надежно, сейчас перекошились и готовы были рухнуть от малейшего прикосновения. Но Крупина уже наметила точку на этом неустойчивом сооружении, на которой можно было поставить ногу на краткое мгновение. Она дождалась, когда за окошком чуть слышно хлопнула дверь; еще секунд десять подождала – на тот случай, если в туалет образовалась очередь жаждущих облегчиться – и снова сделала вдох. Но теперь не такой глубокий, как прежде – из-за нестерпимого запаха.

Туалетная комната в коттедже, да и в любом другом доме обладала одним неоспоримым преимуществом – в ней, как правило, не могло находиться одновременно больше одного человека. А поскольку отсюда только что вышли, то... Наталья действительно никого не испугала своим неожиданным появлением. Этот бросок она сделала еще стремительней; может потому, что не терпелось выдать из легких несвежий воздух. Контейнеры выдержали, и Крупина, зацепившись ладонью за край окна, открывавшегося внутрь, забросила в него свое тело. Туалет был маленьким, приспособленным для единственной цели. Кроме унитаза тут была еще раковина с мылом, зубной пастой и щеткой. Простое вафельное полотенце висело на крючке рядом с раковиной, а под ней, в углу, валялась початая упаковка пенталгина.

Больше здесь ничего не заинтересовало Наталью, и она переключила свое внимание на дверь, и дальше – на ту комнату, что скрывалась за ней. Крупина вся обратилась в слух; в одно большое ухо, которое уловило, что в комнате находится человек. И человек этот, судя по дыханию и невнятному бормотанию, сейчас спал. Наконец она поняла, что этот звук – единственное, что она может уловить за закрытой дверью. Чтобы выяснить другие подробности, нужно было открыть дверь, что Крупина и сделала, со всей возможной осторожностью. Сама она стояла сбоку, пока невидимая. Бодрствующий человек, оказавшись он в комнате, вполне мог решить, что неплотно прикрытая дверь отворилась сама. Сопение стало громче, но других звуков по-прежнему не было слышно. Тогда Крупина перетекла в комнату – не так, как это делают полицейские с кольтами, дергающимися в руках. Она именно перетекла – мягко, плавно – в одно мгновение оказавшись у стены, уже по другую сторону двери. «Бизон» по-прежнему мирно лежал в сумке; с засадой, если бы таковая оказалась в комнате, Наталья разобралась бы и без него.

В комнате действительно оказался один человек – спящий, причем спящий неестественным сном. Об этом говорило все – и его прерывистое дыхание, и неудобная поза, которую занял этот человек, и наручники, которыми он был прикован к батарее отопления; а главное – его лицо. Простое было лицо, ничем не примечательное. Если не считать того, что Крупина много раз видела его на экране своего телевизора. И даже знала его фамилию – Стасов. Всего час назад Наталья ходила по ковровским магазинам, видела спокойных милиционеров. Потом, когда электричка увозила ее домой, в лесничество, в городе начался какой-то переполох. И вот теперь перед ней лежал прикованный к батарее заместитель министра российского правительства. Слишком мал был Ковров для таких совпадений – и три автомата, и троллейбус, протаранивший машину с мигалками, и, наконец, вот этот человек на полу. Крупина в прошлой жизни видела и не такие совпадения, но сейчас была уверена – все это звенья одной цепи. И парни с «Бизонами» как-то в эту цепочку вторглись; заодно втянув в цепь событий и ее, подполковника Крупину. И, черт побери, в это мгновение Наталья ничуть об этом не жалела!

А разгадка тайны могла крыться в этой комнате. Не сейчас, конечно, а после того, как Стасов проснется. Или его разбудят. Наталья не собиралась пропускать ни этого мгновения, ни того, что последует за ним. Неслышно подкравшись к лежащему на спине заместителю министра, она нагнулась над ним, принялась. От лица Стасова исходил запах, чем-то похожий

на тот, которым было заполнено пространство вокруг полупустого контейнера в саду. Крупина на мгновение озадачилась; потом огляделась. Необходимо было найти место, где она могла спрятаться. Из мебели в комнате стоял один стул, да встроенный в стену шкаф, если только последний можно было назвать мебелью в традиционном понимании этого слова.

Нижняя, большая часть этого шкафа, была пуста. Только в углу сидели две крупные крысы. Несколько секунд человек и зверьки смотрели друг на друга. Наталья не боялась ни крыс, ни мышей, ни какой другой «домашней» скотины. Она вообще мало чего боялась. Но эти крысы ее поразили – от них совершенно не исходило волн страха. Скорее они готовы были сейчас задать вопрос (если, конечно, умели бы говорить): «Чего вылупилась? Закрой дверь и двигай отсюда!». И она медленно закрыла дверцу, поняв, что эти зверьки в малообитаемом коттедже давно чувствовали себя хозяевами.

Она потянула другую дверцу – на антресолях. Там лежала коробка – большая и высокая. За такой хорошо было прятаться, и Крупина решительно закинула в шкаф сумку. А сама отправилась по обратному маршруту – в туалет. Она прекрасно знала, больше того, не раз испытывала в своей богатой событиями жизни, что труднее всего справиться не с голодом или жаждой, а совсем с другими жизненными процессами. К ней совершенно не подходила поговорка про «ждать и догонять». Наталья могла ждать в засаде часами и сутками, но предпочитала это делать, предварительно подготовившись. Вот и сейчас она улыбнулась, вспомнив далекое детдомовское детство.

Неведомо каким ветром в их детский дом занесло одного из первых космонавтов. Актывый зал был полон. Космонавт был не очень красноречив, однако сам факт его пребывания там, в бесконечных космических даях, делал его человеком необыкновенным. К тому же он был не один; сопровождавшие его ребята из Центра управления полетами были толковыми, языкастыми специалистами, привычными к любым вопросам. Однако и они растерялись, когда встал один малыш из первоклассников и робко спросил:

– Дядя, а как вы там какали?

Зал замер на мгновение, а затем обрушился на гостей оглушительным хохотом.

– Сейчас бы такой шумок, – подумала Крупина, осторожно сливая воду.

Через полминуты она была на антресолях, поудобнее устраиваясь за коробкой и настраиваясь на ожидание. Еще через минуту он спала, положив голову на сумку с автоматом и долларами. Не дремал только внутренний сторож, который должен был вовремя разбудить хозяйку...

Ровно через два часа Наталья открыла глаза. Пронзительный крысиный визг не встревожил сторожа, а вот тихий звон наручников заставил расслабленные мышцы сжаться в тугую пружину, готовую немедленно разжаться в бою. Однако пока понадобился лишь слух; всеми остальными частями тела подполковник Крупина немного поиграла, удостоверилась, что мышцы не затекли. Она заглянула в узенькую щелку, которую любезно образовала не высушенная как следует древесина шкафа и кивнула. Звон, как правильно она догадалась, издали наручники на руке проснувшегося Стасова. Наталья едва не расхохоталась, увидев ошеломленное лицо заместителя министра. Впрочем, Стасова можно было понять – две крысы подтверждали свое право называться хозяевами этого дома, устроив любовные игры прямо перед его носом. Пленник опять махнул рукой перед собой, издав металлический лязг, и крысы неспешно удалились. Но Крупина не была уверена, что именно этот несмелый жест спугнул нахальных умных зверьков. Они явно сообразили, что от этого человека на полу не исходит никакой угрозы, и скрылись только потому, что услышали тяжелые шаги за дверью.

В комнату вошли те двое, которых Наталья видела входящими в ворота коттеджа. Но главным был третий – мужчина выше среднего роста, крепкий и умный – судя по тому, как он начал допрос.

– Грубая работа, – подумала она, когда в ход пошла кассета, – грубая, но эффективная.

Она сразу поняла, что на экране насилюют не Стасова, а другого мужчину, явно привыкшего к такому обращению. Еще раньше она мысленно поблагодарила малыша, Валеру, который так удачно поставил телевизор, что Наталья все прекрасно видела в щелку. Во второй раз ей стало весело, когда Топор, или Федя, как он представился Стасову, на ходу выдумал хреналгин.

– Да ты парень не дурак; и роль террориста неплохо сыграл. Только вот больно нервно среагировал на вопрос Лешки про этого Хренарыло, – в очередной раз усмехнулась Наталья, – боишься ты, Федя, что дружки узнают про эту твою кликуху.

Она уже давно поняла, что Топор, несмотря на то, что старался следить за своей речью, привык совсем к другим словам. Уголовное прошлое не лезло из него, но угадывалось вполне определенно.

Наконец «высокие договаривающиеся стороны» в комнате пришли к согласию, и одна из сторон – Топор – предложил скрепить его ужином. Наталью, естественно, не пригласили за стол, и она, вздохнув, опять расслабилась. Она опять вспомнила свою многострадальную сумку с разбитой банкой меда. Ее, скорее всего, сейчас потрошили чьи-то милицейские руки. Железный автомат, как и зеленые американские бумажки, никак не могли заменить еды. Зато ее в какой-то степени мог заменить – если верить некоторым ученым – здоровый сон.

В общем-то, она уже узнала главное, ради чего и был поставлен на уши весь Ковров. Единственное, что еще интересовало Наталью в этом доме – судьба Стасова. Дальнейшие планы Крупиной зависели от того, как покинет коттедж заложник.

– Посмотрим, дружок, – подумала она, засыпая, – заплатят за тебя, или придется устраивать побег?..

Единственно, что не устраивало ни похитителей, ни Крупину, ни самого заместителя министра – это тот вариант, когда Стасов вообще не уйдет из коттеджа; или его унесут вперед ногами.

Этой ночью ничто не нарушило покой Натальи. Даже крысы вели себя вполне пристойно; не скреблись в шкафу и не пищали. Наталья несколько раз меняла положение тела в тесном пространстве антресолей; окончательно она проснулась от радостного голоса Валеры. Последний успел сбегать в город и своим возвращением прервал завтрак, который мирно поглощали за одним столом похитители и их жертва. Валера был непривычно возбужден. Очевидно, он тоже не верил в успех плана Крюка и Топора, но сейчас своей ошибкой был очень даже доволен.

Голос Валеры отлично доносился до Крупиной и она – тоже с некоторым изумлением – узнала, что ровно в восемь часов утра кассы всех ковровских заводов начали погашать задолженности по зарплате. Причем в полном объеме. Впрочем, подсознательно она ожидала такой реакции властей (спектакль был гораздо масштабней, чем о том могли догадаться Топор с Валерой), но что бы так оперативно!?

Валера принес лишь те новости, которыми с утра жили ковровские улицы. Он бы немало повеселил обитателей коттеджа, если бы узнал, что даже милиционеров, не сомкнувших глаз сегодняшней ночью, срочно вызвали в управление и выплатили довольствие по октябрь включительно.

А уже через полчаса Иван Николаевич Стасов садился в белый микроавтобус с черной повязкой на глазах. Наталья наблюдала в окно туалетной комнаты, как «Форд» выехал в ворота, которые открыл, а потом закрыл здоровяк, чем-то похожий на Макса. Сам Максик вместе с Топором и Валера сидели в автомобиле. Здоровяк тоже запрыгнул в микроавтобус и тот медленно отъехал от коттеджа. Наталья в последний раз увидела его пассажиров; Топора, который что-то шептал на ухо Стасову.

– Дает последние инструкции, – поняла Крупина.

Это она подумала уже на полпути в кухню, где, как она и ожидала, стоял холодильник, больше чем на половину заполненный продуктами.

– Рассказать кому в лесничестве – не поверят, – грустно усмехнулась она, накрывая на стол, – что эти ребята уехали, оставив столько еды.

Откусив внушительный кусок бутерброда из ковровского батона и финской салами, она принялась неторопливо жевать, прикидывая, не напрасно ли пострадали Серега с дружкой-каратистом. Время позволяло, и Наталья, со всех сторон обмозговав эту, в общем-то, незначительную деталь, налила в кружку соку из большой коробки и отхлебнула, придя к выводу, что спектакль в поезде был сыгран не зря. Преследователи, конечно, поищут ее во Владимире, перекроют дорогу на Москву, но затем кто-нибудь поймет ее несложную хитрость. Охота продолжится в Коврове.

– Но, – усмехнулась Крупина, – в Москву ведет много дорог.

Она намазала на вторую половину батона новозеландского масла, густо покрыла его сверху черной икрой (неужели настоящая!?) и продолжила завтрак, а заодно и вчерашние обед и ужин. Наконец она поняла, что следующий кусок хлебушка, изготовленного ковровским хлебокомбинатом, станет лишним, каким бы он не был вкусным. Поэтому завтрак закончился, а Наталья отправилась обыскивать коттедж. Дом был большим; когда-то уютным, построенным с любовью. Учитывая содержимое «Стинола», Крупина с удовольствием отсиделась бы здесь. Однако «переговоры» Топора со Стасовым круто поменяли ее планы. Второго сентября, а желательнее раньше, она надеялась быть в подмосковном Нахабине.

То, что искала подполковник Крупина – старые вещи прежних хозяев – были свалены кучей на чердаке. Она подобрала себе одежду потемнее и позатрапезнее. Таковую, что состарила Наталью на добрый десяток лет. Из косметики нашлась только высохшая помада в треснувшем футлярчике. Впрочем, для маскарада Крупиной косметика была лишней. Темный, с большими красными цветами, платок и плетеная из прутьев корзина – больше ничего полезного она для себя на чердаке не нашла...

В половине четвертого худенькая пожилая женщина, повязанная платком так, что большую часть ее лица оставалась в тени, вышла за ворота коттеджа. Корзина, которую она несла в руках, была накрыта чистой тряпочкой. Заполнена она была доверху, но очевидно чем-то легким, потому что хрупкая тетушка явно пенсионного возраста несла ее спокойно, перебрасывая из руки в руку без всякого напряжения.

Троллейбусы в городе уже ходили. Они были почти пустыми, потому что утренний бурный поток, что направлялся к заводским кассам, уже сошел на нет, а обратный – из заводских проходных, еще не наметился. Ковров пока чуть слышно гудел, ожидая, когда тысячи людей с непривычно полными карманами появятся на улицах. Наталья повторила на троллейбусе разведывательный маршрут Топора. Она невольно пожалела сейчас стражей правопорядка. Почти на каждой остановке выстроились в ряд торговые киоски и магазинчики. У многих из них стояли грузовички и пикапы, из которых небритые личности выгружали позвякивающие стеклом ящики. Торговцы спиртным явно надеялись сегодня на хорошую прибыль.

Наталья тоже сошла у завода. Ничто не говорило здесь о вчерашних событиях. Совершенно спокойно она прошла по мосту, на котором городские службы, напуганные бегающим по кабинетам начальством, не оставили даже малейшего следа аварии. Еще раньше следователи собрали Валерины ежи, которые никакой информации органам принести не могли. Валера тщеславием не страдал; ни личного клейма, ни отпечатков пальцев на них не оставил.

Крупина свернула с моста налево, в сторону железнодорожного вокзала. Шаги ее стали тяжелыми; спина, прежде прямая, согнулась, а потом и заметно склонилась в сторону корзины. Теперь бы никто не сказал, что она такая легкая. Привокзальную площадь; все скамьи на ней заполнили деревенские бабы с точно такими же корзинами. Наталье даже не пришлось напрягаться, чтобы затеряться среди них. Она не случайно искала именно такую плетеную из прутьев корзину. Электропоезда ежедневно привозили в Ковров женщин с яблоками. Цены на них в виду небывалого урожая были до смешного низкими; даже кризис не заставил их подско-

чить. Обрато хозяйки окрестных садов везли городские покупки, обычно накрытые точно такими же тряпицами, как у Натальи. В эту осень женщины с корзинами стали такой же неотъемлемой частью вокзала, как две телефонные будки с разбитыми стеклами, железнодорожный буфет и киоск с мороженым.

Линейный отдел милиции, судя по количеству людей в форме, тоже перешел на особый режим службы. Стражи порядка службу несли истово, шарили взглядами по лицам как мужчин, так и женщин. То и дело проверялись документы. Только к толпе деревенских женщин с корзинами, оккупировавших две скамьи у телефонных будок, никто не подходил. Прошла электричка из Владимира; через пять минут – встречная. Теперь перед старым зданием вокзала, над которым серой громадой нависло новое, строящееся уже лет шесть, остался только пассажирский поезд «Ковров – Муром». Он тихо пыхтел дизелем, иногда выбрасывая клубы черного дыма из каких-то печей в вагонах. С этими тремя вагонами, на одном из которых едва проглядывала старая надпись: «Детский», – милиция вчерашние события никак не связывала. И Крупина, все так же сгорбившись, зашла в почти пустое здание вокзала за билетом. На билет ушла вся вчерашняя сдача – двадцать рублей. Смешно – потратить она их вчера, пришлось бы ей ехать зайцем с миллионом баксов в корзине. Она вышла на перрон, где линейщиков осталось совсем немного. Они дружно потянулись греться в свой отдел, в ожидании следующих электропоездов.

Вагоны в муромском поезде были почти полными. Наталья едва втиснулась между стенкой и толстой теткой, у ног которой стояли точно такие же корзины.

– Почем продала? – пихнула в бок подполковника тетка.

– По четыре, – устало ответила ей Крупина.

– Да ты что! – обиделась почему-то толстуха, – а я еле-еле по три отдал. Да еще осталось немного.

Она сдернула с корзины тряпку и показала Наталье крупные красные яблоки, покрывавшие все дно. Крупиной вдруг нестерпимо захотелось взять в руку налитое яблоко сорта штрефлинг и откусить от него сочный, брызгающийся мякотью кусок. Она согласна была отдать сейчас за одно яблоко половину тех деликатесов из «Стинола», который сейчас прикрывали собой «Бизон» и пачки долларов. Однако легенда есть легенда – сделав вид, что такие же яблоки надоели ей хуже горькой редьки, Наталья рассеянно кивнула, устало прикрыла глаза и привалилась к стенке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.